

Консерватизм как фактор мягкой силы России

По заказу Фонда ИСЭПИ

Понятие консерватизма – Глобальная повестка дня современного консерватизма. Цивилизационные вызовы эпохе «модерна» – Россия как субъект консервативной повестки дня – Россия как «другая Европа» – Консервативный диалог на мировой арене – Имидж консерватизма

I. Понятие консерватизма

Консерватизм как реакция на распад традиционного общества

Ученые и практики нередко пытаются найти общеобязательные типологические признаки консерватизма. Отсюда характерные определения из серии «консерватор – это тот, кто уважает а) религию, б) семью, в) частную собственность, г) государство и т. д.». Противоречия и неувязки в этом «джентльменском наборе» неизбежны – ведь он составлен из смешения разных контекстов, начиная от феодального консерватизма и заканчивая рейганизмом, то есть как бы собран из аксессуаров разных эпох и стилей. Такие определения непродуктивны – как были бы непродуктивны попытки определить физиогномические семейные сходства просто по перечню специфических черт, которые объединяют всех членов семьи. Таковых может вообще не оказаться. И тем не менее физиогномическое родство существует. Об этом говорит Людвиг Витгенштейн, применяя метафору «семейные сходства» к языку.

Поэтому продуктивнее, на наш взгляд, идти не от общности типологических признаков, а от общности переживаемой ситуации – ситуации кризиса традиционного общества, распада прежних оснований власти и общественного порядка – и первичной реакции на этот кризис со стороны тех, кто видит в нем угрозу или утрату. Примерно так, кстати, пытается определять цивилизации Арнольд Тойнби – не от статики, не от перечня признаков, а от динамики, в кото-

рой возникает континуум «вызова-и-ответа». В традиционном обществе власть и мораль обосновываются «космологически», как проекция объективного, установленного «свыше» порядка вещей, не зависящего от мнений и действий отдельных людей, воспринимаемого как первичная, безусловная реальность и последняя инстанция в разрешении споров. Карл Мангейм называет этот комплекс представлений «объективным онтологическим единством мира» и говорит о его распаде в Новое время. Подразумеваемой или прямо описываемой исследователями моделью этой «социальной космологии» является иерархический порядок средневековой христианской Европы. Отчетливые признаки его распада проявляются с эпохи Возрождения и абсолютизма, но своей кульминации этот процесс достигает в эпоху Просвещения и французской революции. Именно ее принято считать «осевым временем», в котором берут исток политические идеологии современности, каждая из которых по-своему отвечает на исходный вызов – вызов распада традиционного общества в его европейской / христианской версии.

В чем же состоит специфика консерватизма как реакции на этот вызов? Прежде всего в том, что именно консерватизм наиболее остро ощущает свою связь с «уходящим миром» (собственно, он вырастает из ощущения этой связи) и наиболее остро ощущает угрозу, связанную с разрушением традиционных оснований общественного порядка.

История современности – это не только история научно-технического прогресса, или прогресса рационализации, или прогресса в осознании свободы, но и история растраты «ресурсов» традиционного общества. Таких, как трудовая или семейная этика, аскетизм общественного служения, потенциал доверия и солидарности, религиозно определенный стандарт человека. Все эти и им подобные социальные опоры жизненно необходимы для успешной модернизации, но не производятся ею самостоятельно, а заимствуются из предшествующей эпохи. И кардинальный вопрос состоит в том, возможно ли сохранение жизненно важных фрагментов (артефактов) традиционной картины мира в ситуации распада той целостности, которой они были исходно порождены? Могут ли подобные базовые культурные «ресурсы» воспроизводиться современной цивилизацией самостоятельно, или она обречена на «промаывание» цивилизационного наследства и хроническую жизнь взаимы?

Исходя из этой дилеммы, может быть сформулирована миссия консерватизма. Она состоит в том, чтобы делать жизненно важные культурные ресурсы традиционного общества доступными и воспроизводимыми в современном обществе. Консерватизм в этом качестве предстает парадоксальным проектом, который озабочен не целями, конечными состояниями общественного развития, а его основаниями, истоками, поскольку они оказываются под угрозой. Но именно «проектом», поскольку основания и истоки социальной жизни больше не даны сами собой и нуждаются в сознательной культивации и возобновлении в условиях современного общественного порядка.

Лейтмотивы консервативной идеологии

Рассмотрим некоторые проявления этой стратегии продуктивного реванша (реактуализации ценностей традиционного общества в современном) на примере трех классических лейтмотивов консервативной мысли.

Наследственный капитал нации. Консерватизм будет лучше понят, если иметь в виду, что его внутренним референтом,

психологически значимой доминантой является не столько «традиция», сколько «наследство». При этом можно использовать и термин «традиция» – в качестве обозначения для такого специфического наследства, которое не только принадлежит нам, но и существенным образом нас определяет. Собственно, именно таково наследство в его феодально-аристократическом понимании – земельный надел или замок – определяют статус человека в обществе, но принадлежат не ему, а его роду. Они требуют сомасштабной субъектности.

Тему наследственного капитала как стержня экономической жизни (в том числе нематериального, невещественного капитала – такого, как знания или язык) разрабатывал Адам Мюллер. В его лице преимущественное внимание к теме наследования дало начало вполне оригинальной консервативной политэкономии, главный мотив которой, несколько осовременивая, можно свести к проблеме поддержания нематериальной инфраструктуры публичных благ, связывающей общество и объединяющей его в нацию. Таким образом, запрос на защиту наследственного капитала был сознательно переведен консервативной мыслью с семейно-династического на национальный уровень.

Ни либерализм, ни марксизм не могут адекватно не только решить, но даже поставить эту задачу. Либерализм является преимущественно философией частного капитала. Марксизм гораздо более озабочен трудом, чем наследованием. И обе идеологии – даже в том случае, когда они признают значение культуры как разновидности капитала, – видят в ней скорее абстрактное достояние человечества, чем конкретное, требующее планомерной заботы и воспроизводства национальное наследство.

Особенно важны различия в трактовке проблемы наследственного капитала для рентных государств. У каждой из трех больших идеологий – либерализма, марксизма, консерватизма – есть свои основания быть требовательными к государству. В либеральной модели таким основанием являются налоги: «Мы платим налоги, следовательно, можем спрашивать с тех, кто ими распоряжается». В марксистской эту роль играет приба-

вочная стоимость: государство как агент капитала живет за счет прибавочного продукта, созданного нашим трудом. В консервативной логике требовательность к государству основана на том, что оно распоряжается совместным наследством (напрямую или определяет правила его использования).

Каждое из этих трех оснований, несомненно, важно. Однако в условиях сегодняшней России первые два из них не столь существенны. Мы предъявляем свой счет сегодняшнему государству не потому, что мы налогоплательщики. Большую часть налогов государство получает от крупных корпораций, преимущественно сырьевого сектора. И не потому, что мы – трудящиеся. Ведь корень проблемы не в том, что «олигархический капитал» эксплуатирует наш труд, а в том, что он присваивает общественный капитал, включающий и овеществленный труд предшествующих поколений, и землю с ее недрами.

Какое отношение сегодняшние жители России имеют к тому, что добыто предшествующими поколениями (кстати, не только трудом, но и правом завоевания)? На каком основании мы можем говорить о недобросовестном использовании совместного достояния? Дать ответы на эти вопросы может только консервативный подход к проблеме наследственного (в данном случае – национального) капитала.

Государство как органическая общность. Оппозиция «общности» и «общества» – одна из основополагающих для социологии. Фердинанд Тённис и другие теоретики, которые ее использовали, как правило, не считали, что современность означает окончательное вытеснение одного принципа социальной связи (принадлежность, свойственная «общности») – другим (расчет и обмен, свойственные «обществу»). Скорее они говорили об их сосуществовании. Но расширение территории «общества» за счет «общности» ими, несомненно, признавалось и зачастую в качестве серьезной угрозы.

Проблема реактивации элементов «общины» в «обществе» – сквозная тема размышлений консервативно настроенных социологов. Отчетливо выделяются три линии размышления и три стратегии решения этой задачи:

– корпоративизм как попытка, повысив значение профессиональных сообществ в повседневной и публичной жизни, укрепить промежуточное звено между индивидом и государством (Э. Дюркгейм, О. Шпанн);

– национализм как попытка придать самому государству более органический характер, усматривая исторический синтез принципов «общности» и «общества» в нации (В. Зомбарт, Х. Фрайер);

– коммунитаризм как ставка на «демократию участия» в рамках локальных органических сообществ, в том числе вопреки прерогативам государства (Ч. Тейлор, М. Зандель).

Если корпоративизм в целом можно считать исчерпанной попыткой реванша «общности» – сегодня тон задают скорее корпорации капитала, чем корпорации труда, – то две другие линии по-прежнему актуальны. Будучи оппонентами, национализм и коммунитаризм тем не менее объединены рядом важных убеждений, характерных для республиканского мировоззрения. В частности убеждением в том, что:

– предпосылкой политической культуры (демократии и гражданства) является наследуемая культура, то есть культура как таковая;

– предпосылкой человеческого Я является принадлежность сообществу и вовлеченность в историю;

– определением гражданской свободы является свобода участия во власти и публичной сфере, то есть свобода-связанность, а не свобода-эмансипация.

Культивация человеческого типа. Революция, увиденная глазами Гегеля, представляла собой итог так называемой «диалектики господина и раба», преодоление их оппозиции. Но в самом этом преодолении заключен серьезный цивилизационный вызов – вызов «человеческому типу». За время существования сословного общества «этика господ», этика чести, обособилась от «этики рабов», этики выгоды и самосохранения. Какая этическая система, какая модель человека станет преобладающей в обществе, где снято различие между «господином» и «рабом»?

Гегель является оптимистом в этом вопросе, считая, что «гражданство» – это всеобщий аристократизм, господский статус

каждого члена политического сообщества, поскольку в акте революции «рабы» этически дотягиваются до «господ» (ставят «честь выше жизни»). Но акт революции неповторим, и возможно, «низы» дотягиваются до аристократических ценностей лишь затем, чтобы их навсегда упразднить. Если вспомнить, с какой остротой ставили этот вопрос Ф. Ницше или Х. Ортега-и-Гассет, противоречие не выглядит снятым.

Попытка утвердить в массовом обществе аристократический тип личности как надсословный идеал человека – отдельная и нетривиальная задача для консервативной культурной политики. Удачным примером ее решения В. Цымбурский называет викторианскую Англию, в которой политика ограничения сословных претензий аристократии соединялась с политикой «воспитания неопитов политического класса через закладку идеалов нового надсословного аристократизма – аристократизма жизненной формы». В самом деле, «культ жизненной формы, аристократизм, продвинувший в массы», выработал в английском обществе характерный дух превосходства (выразившийся, например, в своеобразном прочтении «бремени белого человека»).

Но дело не только в эстетической стилизации аристократизма для нужд воспитания буржуазного общества, а в политической этике. Прежняя оппозиция «этики господ» и «этики рабов» в постреволюционном обществе не исчезла, а перешла в новую форму. Например, в форму оппозиции между «гражданином» (носителем обновленной этики чести) и «буржуа» (носителем поднятой на пьедестал этики выгоды).

Консерватизм как соавтор современной эпохи

Если обобщить эти и подобные примеры контрнаступления консерватизма на современность, то мы придем к не вполне привычному выводу. Вопреки расхожему убеждению в обреченности консерватизма его миссия – если понимать ее именно как миссию продуктивного реванша, реактивации традиционных ценностей в современной цивилизации (а не поворота современности

вспять) – была во многих отношениях успешной. По крайней мере достаточно успешной для того, чтобы он мог признать за собой соавторство в формировании цивилизации «модерна». Эту цивилизацию несправедливо считать лишь детищем левых и либеральных идей. Она представляет собой плод сначала столкновения, а затем и синтеза реформации и контрреформации, революции и реставрации, Просвещения и консерватизма.

Вопреки ложной точке зрения о несовместимости консерватизма и прогресса, их взаимной противоположности в современной истории именно консервативные идеи часто играли важнейшую роль в общественном прогрессе, а консервативные мыслители не раз опережали представителей других мировоззренческих течений в осмыслении явлений, тормозящих развитие.

Примечательно, в частности, что идея о социальном рыночном хозяйстве была выдвинута консервативными мыслителями Германии, и претворение этой идеи в практической плоскости – также заслуга консервативных немецких политиков-реформаторов, а не немецких же социал-демократов. При этом, заметим, данная идея стала основой общественного компромисса политических сил всех идеологических окрасок – она императивна и не подлежит ревизии.

Так же и идея освобождения крестьянства в России от крепостной зависимости активно развивалась в среде российских консервативных мыслителей (славянофилы А.С. Хомяков, братья Киреевские и др.) и во многом благодаря их последовательным усилиям по популяризации этой идеи позже была взята на вооружение либералами-государственниками времен Александра II.

Консервативные по своим ценностным основаниям реформы Менделеева и Витте во времена царствования Александра III привели в России к самым высоким темпам экономического развития, которые к тому времени только знала человеческая история (об этом свидетельствует и работа В.И. Ленина 1899 года «Развитие капитализма в России», эти же выводы сделал и основоположник современной социологии Питирим Сорокин), к прорыву в инфраструктурном обустройстве территории (которым мы пользуемся до сих пор), к небыва-

лому развитию промышленности, технологий, торговли, финансов. Все это сопровождалось миром, неучастием в войнах, переходом к золотому рублю, который стал одной из самых устойчивых валют своего времени.

Подобных примеров в истории каждой из стран европейского мира (в широком понимании) довольно много. Именно поэтому современная консервативная мысль по преимуществу не отвергает принципы современного демократического общества от имени той или иной реакционной утопии, а подчеркивает консервативные основания, консервативный подтекст этих принципов, рассматривая в частности:

- культурную целостность общества и национальный суверенитет – как основание представительной демократии;

- национальную / социально-корпоративную солидарность («горизонтальное братство») – как основание социального государства;

- национальный эгоизм промышленной политики (своего рода искусство «закрепления капитала») – как основание экономического богатства;

- стандартизацию общества на базе единой высокой культуры (как правило, «аристократического» происхождения) – как основание современных систем массового образования/воспитания;

- унаследованную христианскую идентичность европейских народов – как основание культуры прав человека.

Эти утверждения трудноопровержимы. Тем не менее в современном западном политическом дискурсе они зачастую оказываются за рамками «политической корректности». Миссией консерватизма, таким образом, оказывается артикуляция этих непризнанных и, как следствие, рискующих быть утраченными оснований проекта «модерн».

В этом смысле применительно к сегодняшнему дню можно говорить о таком феномене, как консерватизм «второй волны». Консерватизм «первой волны» – это попытка реактуализировать ценности аграрно-сословного общества в городском, массовом обществе. Консерватизм «второй волны» – это стремление отстоять те основы современной цивилизации, которые были заложены благодаря конфликтному, но в целом успешному синтезу консерватизма и Просвещения.

Наиболее системным воплощением этого синтеза является феномен национального государства, понятого как суверенное, солидарное, культурно однородное / интегрированное сообщество, основанное на равенстве гражданских прав и демократических принципах власти.

II. Глобальная повестка дня современного консерватизма. Цивилизационные вызовы эпохе «модерна»

Особенность текущего исторического момента состоит в том, что некоторые системообразующие элементы современной цивилизации оказываются под угрозой, и для консервативной идеи это становится не менее серьезным вызовом, чем тот, который вызвал ее к жизни в эпоху Просвещения и французской революции.

Сегодня мы наблюдаем в мире процессы цивилизационной трансформации, весьма отличные от логики геополитических противостояний СССР и Запада в недавнем прошлом. Речь вообще больше не идет о противостоянии одних лишь государств. Скорее

можно говорить о глобализационном идеологическом лобби, в составе которого – весьма широкий круг как государственных, так и негосударственных институтов и организаций в основном западных стран, но не только.

С идеологической точки зрения это лобби представляет собой союз «мутировавших левых» (прежде всего так называемых новых левых из фрейдо-марксистского лагеря) и «мутировавших правых» (сторонников неолиберальной глобализации). Глобализированные левые – это лагерь, в котором ценности социальной справедливости ушли далеко на второй план, а на первый вышли защита

прав меньшинств, анархизм и экологизм. Глобализированные правые – это сторонники неолиберализма как экономической и социальной системы, закрепляющей тотальное неравенство под видом свободного всемирного рынка. В этом ряду стоят и различные организации неомальтузианской направленности, связанные со структурами Римского клуба, а также институты, занимающиеся «экспортом демократии» или идеологически его обслуживающие: Совет по международным отношениям (CFR), RAND Corporation, система фондов Джорджа Сороса и семьи Рокфеллеров, McArthur Foundation, National Endowment for Democracy, Freedom House и целый ряд университетских, государственных и частных исследовательских центров.

На первый взгляд отнесение взаимных оппонентов – новых левых и неолибералов – к общему идеологическому полюсу кажется странным. Однако невозможно игнорировать тот факт, что дежурный антагонизм не мешает им занимать, по сути, общую позицию по многим ключевым вопросам нашего времени. Как новые левые, так и неолибералы – хотя и по разным причинам – поддерживают так называемую замещающую иммиграцию (с перенаселенного «бедного Юга» на стареющий «богатый Север»), экспансию меньшинств (образованных по разному признаку – главное, чтобы присутствовал сам комплекс «меньшинства»: активное самосознание, противопоставление себя остальному обществу, борьба за особые права, за привилегии и в конечном счете за гегемонию), разрушение правовых и культурных рамок традиционной семьи, глобальную политику вмешательства (размывания суверенитета) и т.д.

Идеологические контуры этой глобальной международной сети можно увидеть, если проанализировать проходящие по всему миру «цветные революции», молодежные протестные акции, повестку множества работающих на «демократизацию» всего мира НКО и ряд идей, уже вошедших в официальный мейнстрим в виде норм и законов в некоторых западных странах. Составные части этого мировоззренческого стереотипа – отрицание любой иерархии, освобождение от авторитетов (государственных, военных, религиозных), семейных ценностей

и предрассудков «морального большинства», экологизм (как доктрина равенства и даже приоритета «прав природы» над правами человека) и в конечном счете отказ от суверенитета государства в пользу глобальных наднациональных структур. В обязательном порядке присутствует указание на то, что уже отжили, не подходят для современной жизни и полностью дискредитировали себя все структуры, характерные для национального государства, – вертикаль власти, традиционные институты, такие как церковь, семья, система образования.

Сегодня очевидно, что роковой переход, во многом предопределивший упадок экономического, культурного, да и вообще цивилизационного потенциала Запада, относится ко второй половине 1960-х годов: именно тогда выходит на авансцену революция нового типа, практически не затрагивающая политические основы общества, но переворачивающая его культурные основы.

Одним из маркеров этой эпохи стал термин «контркультура», принадлежащий одному из ее идеологов Теодору Роззаку. Однако более точным представляется термин «враждебная культура», введенный в научный оборот оппонентом «новых левых» Дэниелом Беллом. В основе этого явления лежала именно глубокая враждебность по отношению к таким базисным элементам европейской (в широком смысле) цивилизации, как трудовая и семейная этика, дисциплина и самоконтроль, национальная идентичность, научная и техническая рациональность (один из ведущих идеологов «новых левых» Герберт Маркузе объявляет, что на современном этапе наука и техника – еще недавно помещенные в эпицентр революционных ожиданий – выступают в качестве новой идеологии капиталистического господства) и т.д. У истоков этой концепции обнаруживается фигура Антонио Грамши, писавшего в «Тюремных тетрадях» о том, что революционная теория не достигнет успеха в Европе, если не признает, что изменения на уровне сознания способны предвратить политические и экономические изменения и что «социальная группа может и даже должна стать ведущей (в смысле культурной власти) задолго до того, как она завоюет правительственную власть».

Культурная революция, вдохновленная идеей Грамши, во многом имела успех. Разумеется, она не преодолела современный капитализм, но сильно повлияла на него, придав ему более глобальную и изощренную форму. Точно так же она не перевернула современную цивилизацию, как призывали некоторые из ее идеологов, но запустила ее далеко идущую трансформацию. Последствия этой трансформации могут быть описаны как совокупность трех взаимосвязанных процессов:

– *дегуманизация*; речь идет о сломе культурных и цивилизационных основ, на которых строится само понимание человека, трансформации человека в биологическом и социальном смысле в совершенно иное существо, размывании и деконструкции границ, формирующих человеческую личность (гендерные границы, психофизический барьер);

– *десуверенизация*; складывается ситуация, когда в правовой сфере над нормами государства главенствуют международные, в политической источником легитимности государств и режимов выступают «международные арбитры», при необходимости реализующие политику вмешательства, в экономической ключевую роль играют транснациональные корпорации, в социальной и информационной сфере международные организации занимаются «ценностным переформатированием» ментальности и культурных традиций;

– *десоциализация*; под лозунгами защиты отдельных групп общества на самом деле происходит его максимальная фрагментация, оно превращается в хаотическую мозаику таких групп вместо единого органического целого, глобализация закрепляет вопиющее имущественное неравенство на уровне как внутренних, так и межстрановых диспропорций.

Рассмотрим эти линии угроз более подробно.

Дегуманизация

В качестве «передовых» и «прогрессивных» сегодня преподносится набор идей и «ценностей», которые консерваторы считают деструктивными. В этом списке – биологическая трансформация человека (ряд репродуктивных технологий и в том числе сурро-

гатное материнство, генные эксперименты), эвтаназия, ювенальная юстиция, однополые браки и гипертрофированная поддержка прав ЛГБТ-сообщества, радикальный экологизм, тотальная информационная прозрачность, примитивизация и виртуализация массовой культуры.

Консерваторы считают эти и ряд других явлений неприемлемыми вовсе не из абстрактного традиционализма. На самом деле речь здесь идет о том, что, будучи поощряемы на бытовом и практическом уровне, все эти тренды приводят к «взлому» тех культурных и цивилизационных основ, на которых строится общество, а в пределе – к «расчеловечиванию», то есть радикальной трансформации человека и в биологическом, и в социальном смысле. Консерваторы расценивают такой «прогресс» не как благо, а, напротив, как деградацию относительно тех идеалов гуманизма, которых достигла цивилизация.

Биологическая трансформация человека. Современная наука и развитие технологий позволяют уверенно говорить о том, что человечество в обозримой перспективе будет иметь возможности генных экспериментов с человеком, клонирования, имплементации в человеческое тело разнообразных технических устройств, позволяющих создавать гибридное, биотехнологическое тело человека. Сегодня подобные технологии позволяют помогать людям в случае болезней и увечий, однако консерваторы обращают внимание, что бесконтрольное и этически не лимитированное расширение применения таких технологий приведет к тому, что человек как биологический объект будет «собираться, как конструктор» с заданными характеристиками, что неприемлемо в парадигме как традиционных религий, так и светского гуманизма, где подчеркивается уникальность каждого человека. Идея улучшения биологических характеристик человеческого тела рассматривается консерваторами как евгеника и путь к кастовому обществу, где полноценность и неполноценность человека смогут задаваться с помощью биотехнологий.

Репродуктивные технологии. Консерваторы являются противниками всех экспериментальных эмбриональных технологий, а также суррогатного материнства. Ребенок не

может рассматриваться как товар, подарок или объект генетического конструирования. В ситуации невозможности иметь собственных детей консервативная этика считает наиболее правильным и социально ответственным поведением усыновление.

Этаназия. Консерваторы являются последовательными противниками этаназии. Законодательное делегирование кому-либо права на убийство, будь то родственники или врачи, неприемлемо, поскольку, во-первых, легализует в социуме убийство как таковое, а во-вторых, открывает дверь для дискуссии – по каким параметрам будет определяться, должен ли кто-то жить. Легализация этаназии для неизлечимо больных может обернуться обсуждением, не является ли умерщвление лучшим выходом и в других ситуациях.

Права ЛГБТ и гендерное равенство. Признавая право каждого человека на частную жизнь, консерваторы вовсе не призывают, как это часто представляется либералами, к каким-либо репрессиям или ограничениям прав лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Вопрос идет лишь о противодействии объявлению ЛГБТ-практик нормой для общества в законодательном смысле и влиянии ЛГБТ-сообщества на воспитание детей. Консерваторы являются последовательными противниками однополых браков, поскольку, отказавшись от формулировки, что брак является союзом мужчины и женщины, общество разрушает традиционную модель семьи, роль которой далеко не только в юридическом подтверждении союза любящих друг друга людей. Традиционная семья является важной структурой, на которой держится сама модель общества. Консерваторы выступают за сохранение в обществе понятий «мать» и «отец», против усыновления детей однополыми парами и против включения информации о равнозначности нетрадиционных и традиционных отношений в школьные программы.

Кроме того, консерваторы подчеркивают, что начинавшийся как здоровая рациональная борьба за равные права женщин феминизм сегодня пришел к гипертрофированным и абсурдным требованиям гендерного равенства. Попутно можно обратить внимание, что организации, поддерживающие ЛГБТ и

феминизм, сегодня являются активнейшими участниками «цветных революций» и часто оказываются связаны с институтами, занимающимися «экспортом демократии», в частности, National Endowment for Democracy (NED), RAND Corporation и фондами семьи Рокфеллеров.

Также консерваторы обращают внимание, что одна из самых этически сложных проблем в контексте феминизма – вопрос об абортах – тесно связан с легализацией использования в медицине эмбриональных тканей.

С точки зрения консерваторов, гипертрофированная поддержка гендерных меньшинств и современный феминизм совершенно не связаны с «преодолением дискриминации», но способствуют: а) ревизии и разрушению понятия семьи; б) снижению рождаемости и в) продлению жизни состоятельного класса.

Экологизм. «Антиаватар». Отсутствие в русском языке общепринятого аналога термину environmentalism, обозначающему не науку, а мировоззрение, затрудняет понимание того, что экологизм – это не экология (наука о том, как сохранять окружающую среду), а идеология, в которой речь идет о прекращении прогресса в его прежнем виде. Тезисы экологизма о недостаточности природных ресурсов и их скором истощении ведут в пределе к постановке вопроса о сокращении численности человечества, отказу от парадигмы ускоренного индустриального развития, а также отказу от доступных и мощных источников энергии (АЭС) в пользу возобновляемых источников энергии (производство и утилизация которых сами ведут к истощению редких минералов и загрязнению природы). Это является предлогом для нового мирового разделения труда. Индустриальные страны должны стать «экономическими услугами», а бедные – даже и не мечтать об индустриализации.

Популярный фильм «Аватар» является примером успешной пропаганды идеологии экологизма. Можно вспомнить, что реакцией многих зрителей было сожаление, что они не могут поменять наш мир технологического прогресса на гармоничную природу удивительной планеты племени На-Ви.

Тотальная прозрачность и контроль. Как известно, главной «страшилкой» либералов

является тотальный контроль над жизнью гражданина. Однако именно в современном свободном обществе благодаря современным технологиям осуществляется тотальная слежка, о которой не мечтала никакая диктатура прошлого. Всюду идет фиксация каждого действия человека (видеокамеры, электронные метки, постоянно подключенные к Интернету электронные гаджеты и мобильные телефоны). Вопрос не в том, что эту информацию собирают спецслужбы. А в том, что общество стимулирует постоянный виртуальный «экспозиционизм», – человек всегда имеет с собой камеру, фотоаппарат, может в режиме онлайн публиковать свои комментарии, то есть он оказывается «на сцене» нон-стоп, что вынуждает его к театрализованному поведению, когда любое действие из элемента частной жизни превращается в нечто транслируемое всему миру через социальные сети. Сами современные гаджеты уже полностью сконструированы под данную задачу: все действия, перемещения в пространстве, общение, даже физические характеристики самочувствия (например, учет скорости ходьбы) – все это записывается и является доступным для внешнего наблюдения и учета.

Консерваторы выступают против уничтожения права на частную жизнь, против превращения частной жизни в бесконечную интернет-трансляцию, что приводит к потере суверенитета личности.

Мозаичная культура и виртуальная реальность. Консерваторы видят серьезные опасности в той гипертрофированной роли, которую виртуальные технологии играют в жизни людей, подменяя реальную жизнь, реальное общение. Интернет-среда в силу своих особенностей способна серьезно влиять на поведение человека и восприятие им окружающего мира.

Мгновенный эмоциональный отклик, на который нацелен в большей части контент Интернета и его формат, снижает шансы на рациональное, осознанное построение картины мира. Мозаика кратких и ярких реакций на такие же мозаичные стимулы создает цепочку разорванных и кратких эмоциональных реакций (понравилось / не понравилось, прикольно / занудно) и т.п., но абсолютно не

нацелена на содержательный синтез. Сюзен Гринфилд, занимающаяся исследованиями влияния интернет-культуры на социум, говорит о трансформации формирования личности: «Представьте себе, что вы молоды, живете только настоящим моментом, где вы говорите “фу” и “вау”, играете в компьютерные игры и болтаете с девятьюстами френдами на Facebook. Поскольку вы молоды, ваша индивидуальность определяется не тем, чего вы успели достичь, а вашей реакцией на конкретный момент и связью с огромным количеством других людей. Современные технологии помогают людям формировать личность совершенно по-новому. И это очень привлекательно, потому что вы характеризуете себя количеством друзей в соцсетях, количеством людей, которые с вами общаются, количеством твитов, и это ваша жизнь»¹. С ее точки зрения, молодежь без жизненного опыта, живущая «в сети» рискует без опоры в виде знаний, которые помогают правильно трактовать то, что происходит сейчас, оказаться «в ловушке у настоящего», и может быть легко превращена в орудие манипуляции.

Что является общим знаменателем для этих и подобных им тенденций к радикальной трансформации человеческой личности и, в каком-то смысле, мутации человека как вида? С философской точки зрения, таким общим знаменателем является одна издавна оспариваемая консерваторами идея – идея эмансипации.

На первый взгляд, она не заслуживает отторжения. В снятии ограничений в правах, освобождении от опеки или гнета нет ничего заведомо плохого. Но в наиболее существенном смысле, эмансипация – это освобождение не от внешнего, а от *внутреннего* принуждения со стороны сил общества. Это освобождение человека от социальных идентичностей, претендующих на то, чтобы *определять и обязывать* его. К числу таковых относятся базовые представления, через которые происходит наша социализация: представления о национальности, поле, родстве, традиционной вере. Поэтому в сво-

¹ Баронесса Гринфилд: соцсети подменяют вашу жизненную историю // РИА «Новости». 2011. 12 августа.

ем радикальном виде эта идея предполагает, что человек обязан отбросить заданные ему характеристики и должен обладать свободой радикальной трансформации и любых экспериментов. На завершающем этапе в виде тоталитарной структуры, ограничивающей свободу и подлежащей преодолению, предстает само физическое тело человека. В полном соответствии с постмодернистской культурой не должно остаться ничего недеконструированного, и, разрушив структуры государства, религии, семьи как «тоталитарные», далее необходимо разрушить представление о физическом теле человека как о чем-то, предписывающем рамки, – а значит, приветствуется смена внешности, пола и т.п.

Майкл Хардт и Антонио Негри – авторы бестселлера «Империя» – прямо говорят о том, что дело «освобождения» человека требует его глубокой *психофизической мутации*. Их слова звучат местами загадочно, но в целом понятно, что они вдохновлены опытом субкультур, ломающих рамки «нормального» человеческого облика (наркокультура, панк-движение и т.д.). *«Воля быть против... нуждается в таком теле, которое будет совершенно неподвластно принуждению. Ей нужно тело, неспособное привыкнуть к семейной жизни, фабричной дисциплине, правилам традиционной половой жизни и т.д.»*

Тенденции к мутации человеческого вида под влиянием социокультурных и биотехнологических экспериментов обобщил Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Наше постчеловеческое будущее». Характерно, что эти тенденции, как мы и говорили выше, оформляются не только со стороны радикальных «новых левых» наподобие Негри и Хардта, но и со стороны неолибералов. Знаковым автором в этом отношении является Жак Аттали. Основным содержанием истории для него является «торжество индивидуализма» – свержение диктатуры коллективных идентичностей и переоформление всех связанных с ними безусловных обязательств в расторгимые договорные отношения.

Здесь вполне уместно вспомнить «либерпанк» – оригинальное направление российской фантастики, моделирующее общество, в котором основная идея Аттали – экспансия «законов рынка» и договорных отношений на

все сферы жизни – доведена до логического предела. Таким пределом, как утверждал еще Маркс, является утрата человеческой сущности. И сегодня, когда капитализм делает человека не только объектом эксплуатации, но прежде всего ареной безудержного производства потребностей, это куда более очевидно, чем во времена Маркса.

Десуверенизация

Настойчивая институционализация права на вмешательство и, в еще большей мере, своеобразное применение этого права в интересах демонстративно-показательного регресса, варваризации и фрагментации общества (Косово, Афганистан, Ирак, Ливия) говорят о том, что Запад больше не является субъектом модернизации для остального мира. В этом отношении так называемое «право на вмешательство» само во многом уничтожает тот исторический потенциал Запада, на котором оно могло бы быть основано. А именно потенциал лидерства в модернизационном проекте. Проекте строительства и развития национальных государств, который всегда обладал исключительной притягательностью для остального мира и позволял Западу удерживать позицию исторического превосходства. «Право на вмешательство» и «преодоление суверенитета» ставят этот проект под вопрос, поскольку означают принципиальную невозможность для государства выступать субъектом развития.

Чтобы понять, что представляет собой десуверенизация государства, полезно обратиться к одной из классических интерпретаций суверенитета, которую дает Пьер Бурдьё в работе «Дух государства». Проследив эволюцию феодальных дворов Европы, преодолевающих (либо, напротив, не сумевших преодолеть) порог государственности, он пишет: *«Государство есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного, символического – концентрации, которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакпитала... позволяющего государству властвовать над*

различными полями и частными видами капитала, а главное – над обменным курсом между ними (и тем самым над силовыми отношениями между их владельцами)».

В предложенных Бурдые терминах суверенитет характеризуется как концентрация разных типов социального капитала на одном уровне, дающая государству уникальную позицию регулятора процессов социального обмена. Соответственно, распад суверенитета означает обратное расхождение (деконцентрацию, освобождение от государства) указанных типов социального капитала. И что не маловажно – далеко идущую эмансипацию их владельцев: держателей информационного капитала (медиакратия), силового (организованная преступность, частные армии), финансового (ТНК) и т.д. Одним словом – эмансипацию олигархий.

Этот процесс в корне меняет природу отношений власти в обществе. Суверенная государственная власть может быть созидательной или безуспешной, демократической или авторитарной, но у нее есть одно неотъемлемое качество – по самой своей природе она является публичной, явной и уже за счет этого ответственной.

Именно публичность отношений власти, открытость власти как таковой, а не пресловутая «транспарентность» ее процедур составляют основу государственной этики ответственности. И именно это качество с необходимостью утрачиваются по мере распада государственного суверенитета.

Карл Шмитт в работе о «Левиафане» Томаса Гоббса посвящает много усилий демонстрации того, что гораздо более зловещим, нежели злоупотребление открытой властью, является подчинение государства разрастающейся системе неясных властей. «Суть косвенной власти, – пишет он, – состоит... в том, что она лишает ясности однозначное соответствие... между властью и ответственностью, предоставляемой защитой и повиновением и, безответственно пользуясь всего лишь косвенным, но оттого не менее интенсивным господством, сосредоточивает в своих руках все преимущества политической власти, не сталкиваясь ни с каким связанным с ней риском».

Иными словами, отсутствие суверенитета как инстанции «окончательной власти» делает

власть принципиально анонимной и неподотчетной. В постсуверенной ситуации власть вообще больше не выступает как таковая.

Так, крупнейшие корпорации, концентрируя гигантские ресурсы и применяя их по своему усмотрению в масштабе, ранее доступном лишь государствам (свидетельством чему – создание частных армий или информационных империй на службе финансовых групп), «всего лишь» осуществляют коммерческую деятельность. Можно сколько угодно рассуждать о преимуществах демократических процедур и глобальном продвижении демократии, но эти разговоры становятся всё более беспредметными по мере вымывания реальной власти из орбиты демократических институтов и ее перехода в неясную / непубличную форму.

Аналогичная безответственность и анонимность начинает задавать тон и в процессах так называемой глобальной демократизации. Складывается впечатление, что после неудачного опыта оккупации Ирака западный мир выработал своеобразный консенсус безответственной гегемонии, основанный на одновременном признании необходимости вмешательства и невозможности оккупационного контроля над территорией.

Непосредственным выражением этой стратегии стала волна «твиттер-революций». В последние годы традиционная модель «продвижения демократии» с помощью «цветных революций» претерпела целый ряд изменений. Если раньше эта модель была связана с процессами политической борьбы, пестованием соответствующих взглядов у интеллигенции, выращиванием «демократических» лидеров, то нынешние «твиттер-революции», которые прокатились по миру в виде «арабской весны», а также событий на Украине, используют технологию распространения хаоса. На смену протестующему «креативному классу» на сцену крайне быстро выходят радикалы, и под формально «демократическими» лозунгами продвигаются практики политической деградации и примитивизации массового сознания.

Десоциализация

В послевоенные десятилетия сложилась уникальная в истории ситуация, когда – по обе стороны «железного занавеса» – боль-

шая часть общественного богатства так или иначе принадлежала большинству. Это стало результатом довольно жесткой линии западных государств на сглаживание социальных диспропорций (что было актуально, в том числе, перед лицом конкурирующей социалистической системы). Возник широкий средний класс, выполнявший роль «амортизатора» социальных конфликтов. Однако уже с 1980-х годов разворачивается процесс своего рода реванша элит, ведущий к возрастанию неравенства. Если для постсоциалистических и особенно для постсоветских государств этот процесс носил обвальнический характер, то на Западе он разворачивался более плавно, однако вполне неуклонно, выражаясь, в частности, в следующем:

- снижение уровня реальных доходов существенной части населения, компенсируемое бумом кредитования;

- вывод рабочих мест в развивающиеся страны, обескровливающий рынок труда;

- активная иммиграция из стран «бедного Юга», создающая повышенную нагрузку на социальные инфраструктуры;

- обособление прослойки корпоративного топ-менеджмента (если для 1960–1970-х годов разрыв в уровне доходов внутри корпорации составлял 10–15 раз, то для 1990–2000-х – 1000–1500 раз);

- прогрессирующий отрыв финансового сектора от «реального», создание благопри-

ятных условий для трансграничного спекулятивного капитала и т.д.

Эти и подобные им процессы оказались чреватны ослаблением национального государства как системы хозяйственной, культурной, политической солидарности элит с населением своих стран и, как следствие, – ослаблением главного детища «солидаристской» политики послевоенных десятилетий в лице «среднего класса». Причем если «реванш элит» обрушивает средний класс сверху, то всесторонняя экспансия меньшинств, о которой уже шла речь выше, подтачивает его снизу.

И надо сказать, по мере развития этого встречного процесса разрушается нечто большее, чем средний класс. Разрушается сама презумпция целостности общества, которая является важнейшим внутренним принципом современности как политической эпохи. Глобализацию не зря называют «глокализацией» – по мере размывания национальных границ возникает не единое однородное «мировое общество», а глубоко фрагментированное пространство, пересеченное множеством дробных культурных и социальных барьеров, которые были в свое время преодолены эпохой «модерна». «Прекрасный новый мир» приходит к нам в облике нового Средневековья с возросшим уровнем технических возможностей и, соответственно, рисков.

III. Россия как субъект консервативной повестки дня

Перечисленные вызовы определяют глобальную повестку дня современного консерватизма. Консерваторы, как уже было сказано, выходят на политическую сцену тогда, когда под угрозой оказывается то, что им дорого. Именно в этом смысле политические ценности не абстрактны (в этой роли часто предлагается произвольно взятый набор благозвучных слов), а конкретны, то есть привязаны к исторической ситуации, ситуации борьбы за эти ценности. Сегодня, как ясно из сказанного, такими ценностными ориентирами для консерватизма выступают:

- целостность человеческой личности, определяемой в христианской системе координат;

- суверенитет государства, понимаемый как залог национальной модели развития;

- связность общества, предполагающая высокую степень его культурной и социальной однородности (и соответственно, наличие сильного ядра в лице среднего класса).

Состоятельность России как консервативного полюса силы в современном мире предполагает не просто декларирование, но последовательную реализацию этих цен-

ностных ориентиров во внутренней и внешней политике.

Жесткое давление, оказываемое на нашу страну за ее попытки самостоятельно определять свою систему ценностей, связано, в том числе, с тем, что Россия как официально, так и на уровне общественного мнения, отвергает возможность принятия российским обществом перечисленных выше «прогрессивных» трендов.

До какого-то момента консервативный ответ этой атаке был стратегией обороны, и, как показали события начала 2014 года, достаточно успешной – и Олимпиада, и последующие крымские события продемонстрировали высокий уровень доверия граждан президенту Путину, который в своих посланиях Федеральному Собранию, в своей «крымской речи», традиционных «прямых линиях» в достаточно явной форме сказал и о суверенитете России, и о русском мире, и о консервативных ценностях. При этом – что крайне важно – Путин несколько раз обратился напрямую не к зарубежным политикам, а к зарубежным аудиториям с призывом понять Россию. Это был знаковый жест – Россия ищет понимания не у политического бомонда западных стран, а у их граждан, то есть собирается говорить не на языке забюрократизированных дипломатических формул, а объяснять свою позицию по вопросам, касающимся каждого. Что касается стран не-западных, стран Латинской Америки, Азии, Ближнего Востока, Россия вселила надежды во многих, кто сегодня отстаивает свою цивилизационную идентичность и не готов быть «перемолотым» жерновами неолиберальной глобализации.

В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести цитату из интервью американского политика-консерватора Патрика Бьюкенена, которое он дал Русской службе «Голоса Америки» 27 декабря 2013 года: «Мне кажется, что многие американцы действительно продолжают верить в парадигму “холодной войны” и думают, что Россия сегодня является реинкарнацией Советского Союза. На мой взгляд, президент Путин тяготеет к видению мира, который не имеет ничего общего с борьбой капитализма с коммунизмом или марксизмом. В его видении

мир разделен по культурным, моральным и социальным признакам. Сегодня происходит великая моральная и культурная борьба между западными силами прогрессивизма, ратующими, например, за свободные аборты и однополые браки, и остальным миром, включающим консерваторов, традиционалистов, католиков, мусульман. Путин выступает в защиту традиционных ценностей от “культурного радикализма”, источником которого он считает Запад. Он считает, что в этом конфликте большинство людей в мире – на его стороне»¹. Эта заявка со стороны российского лидера была оценена и противниками консервативного проекта. Так, на Гайдаровском форуме в начале 2014 года Л. Шевцова отметила: «Путин строит Россию, которая теперь позиционирует себя как защитник консервативных и христианских ценностей для всего мира. На такое не “замахивался” даже СССР».

Иными словами, реплики российского лидера в дебатах о культурных ценностях и политике идентичности были восприняты не просто как момент его идеологического самовыражения, но как заявка на глобальное лидерство России в определенной ценностной нише. Это говорит о высоком уровне идеологических ожиданий, существующих вокруг нашей страны. Несмотря на то, что по объективным параметрам российское общество отстоит достаточно далеко от консервативной идиллии (оно менее религиозно, чем многие страны Восточной или Южной Европы, поражено высоким уровнем неравенства и низким уровнем солидарности, испытывает нарастающие проблемы с инокультурной иммиграцией и т.д.), именно Россию как сторонники, так и противники консервативных ценностей все больше воспринимают в качестве их главного носителя. Это связано с несколькими вполне очевидными обстоятельствами. В их числе:

– багаж классической русской культуры, воспринимаемой как одно из исторических

¹ Владимир Путин – новый лидер мирового консервативного движения? Эксклюзивное интервью с американским консерватором Пэтом Бьюкененом и комментарии экспертов // Голос Америки. 2013. 27 декабря.

воплощений христианских и европейских ценностей;

– исторический опыт Российской империи, ставшей после французской революции и по меньшей мере вплоть до Крымской войны полюсом притяжения для европейских консерваторов;

– исторический опыт СССР, воплощавший собой масштабную и комплексную альтернативу западному мироустройству (хотя, разумеется, не консервативную в идеологическом плане);

– статус великой державы, проводящей независимую международную и внутреннюю политику;

– образ «сильного лидера» в лице Владимира Путина, создаваемый в том числе антироссийски настроенными масс-медиа и отчетливо контрастирующий с дефицитом лидерства на Западе.

Совокупность подобных факторов делает Россию одной из немногих стран, в принципе способных к выработке комплексной альтернативы неолиберальной глобализации как триединству описанных выше процессов (дегуманизация, десовернизация, десоциализация). Выделим некоторые пункты глобальной консервативной повестки дня, которые в существенной мере ассоциируются с Россией уже сегодня или могут быть дополнительно акцентированы в качестве ее ценностной платформы.

Христианский гуманизм против «нашего постчеловеческого будущего»

Развернутым манифестом этого мировоззрения является наиболее востребованная часть культурного достояния нашей страны – великая русская литература. Однако сегодня это кредо приобретает новое звучание. Речь не просто о проявляемом по религиозным мотивам уважении к уникальности и самоценности каждой человеческой личности, а о сопротивлении тем тенденциям дегуманизации, о которых шла речь выше.

Консерваторы выступают против разрушения тех барьеров, которые определяют параметры человеческой личности: психофизического барьера (барьера между сознанием и

телом – устранимого с помощью различных практик / веществ, позволяющих влиять на психику человека, получая измененные состояния сознания), барьеров, определяющих половую идентичность, барьеров на пути вмешательства в процесс зарождения жизни / структуру генома и т.д. Это же касается моды на телесные трансформации. Идея человека как уникального индивида не позволяет рассматривать его как поле и инструмент физиологических экспериментов.

В консервативной традиции матрицей воспроизводства человеческой личности видится семья. Поэтому отстаивание семейных ценностей – важная тема в контексте консервативного гуманизма. Защита семейных ценностей состоит в поддержке модели семьи как союза мужчины и женщины, в котором рождаются и воспитываются дети, сохранении понятий «мать» и «отец», сохранении в обществе представлений о воспитании детей как важной и социально ответственной задаче. Консерваторы являются противниками идеи ювенальной юстиции и обязательного (не зависящего от согласия родителей) сексуального просвещения детей. Они обращают внимание, что программы подобного «просвещения» в большинстве случаев напрямую связаны с пропагандой альтернативных «сексуальных ориентаций и гендерных идентичностей», а также с разрушением моральных табу, которые существуют в здоровом обществе, где подобные вопросы находятся в сфере частной жизни и не могут являться предметом публичного обсуждения и демонстрации.

На чем основаны те представления о структуре человеческой личности, к которым апеллирует консерватизм, стремясь ограничить всевозможные мутации человеческого вида? В конечном счете – на религиозной и культурной традиции.

Всякая религиозная традиция и всякая высокая культура творит свой образ человека и свой стандарт человечности. Иными словами, сам способ «быть человеком» – в широком смысле «человеческий облик» – является различным для разных цивилизаций, продуктом культурного развития и в качестве такового может быть утрачен или изменен. Предметом заботы и сохранения для консер-

ваторов разных эпох и народов служит не в последнюю очередь тот эталон «человеческого типа», который является базовым для данной культурной и религиозной традиции. Тот комплекс представлений о человеке, который доминирует в европейской цивилизации, безусловно, имеет корни в христианской традиции (которая, в свою очередь, во многих отношениях инкорпорировала опыт античности).

Культура прав человека, которую Запад считает универсальной, логически немыслима вне христианских постулатов о свободе человеческой личности и онтологическом равенстве людей перед Богом. Научная и техническая рациональность, которой Запад обязан своим превосходством в мире вещей и фактов, стала возможной благодаря предпосылкам креационистского мышления (мир разумно познаваем, поскольку разумно сотворен; природа – поле для освоения, запозданное человеку «Книгой Бытия»).

Вся история европейской цивилизации пронизана такими взаимосвязями. Безусловно, они могут действовать безотносительно к личным религиозным убеждениям отдельных людей, сохраняясь, в том числе, в глубоко секуляризованном обществе. В конце концов, электроприборы работают даже в руках тех, кто не имеет представления о законах электричества. Но вряд ли эффект будет длительным, если законы электричества будут забыты всеми и повсеместно. Точно так же консерваторы полагают невозможным долгое время сохранять плоды христианской цивилизации, окончательно оторвавшись от ее корней.

Как мы помним, упоминание о христианских корнях европейской цивилизации было решено не включать в преамбулу Конституции ЕС, готовившейся группой экспертов под руководством Валери Жискара д'Эстена, в ответ на что один из видных католических епископов заявил: «Мы очень разочарованы не тем, что написано в Конституции, а тем, что в ней не написано». Конституция впоследствии принята не была, но момент оказался знаковым.

Готова ли Россия более последовательно отстаивать христианские основания своей культуры и исторической идентичности, чем идеологи Европейского Союза? Ответ на этот

вопрос пока не очевиден (по той же причине, что и в ЕС: в канонах «политкорректности» утверждение собственной идентичности воспринимается как ущемление чужой – в данном случае иноконфессиональной). Но если он будет положительным, это, безусловно, станет важным фактором морального лидерства. Например, даже фрагментарные и сдержанные заявления российского руководства по поводу игнорируемых лидерами западных держав фактов геноцида христиан в Сирии существенно повысили авторитет РФ в глазах активных христианских сообществ.

Политический реализм против стратегии хаоса

С начала 2000-х годов Россия прочно ассоциируется в глобальном информационном поле с противодействием «цветным революциям». До тех пор, пока последние выступали в «бархатном» обличье мирных гражданских движений, проводящих ненасильственную «перезагрузку» коррумпированной власти, эта репутация была скорее фактором уязвимости Кремля. Но по мере развития событий в Ливии, Сирии, Египте, а затем и на Украине революции нового типа стали все больше восприниматься не в контексте стратегии глобальной демократизации, а в контексте стратегии управляемого хаоса, становящегося, впрочем, все менее управляемым.

Французский исследователь Эммануэль Тодд пишет о тех внутренних противоречиях, которые делают США «опасной державой», отнюдь не безумной, но вынужденной реализовывать «стратегию умалишенного». «Блуждающая и агрессивная, напоминающая походку пьяницы стратегическая траектория “одиноким сверхдержавы” может быть удовлетворительно объяснена только на пути выявления нерешенных или неразрешимых противоречий и вытекающих отсюда чувств неудовлетворенности и страха». О каких противоречиях идет речь?

Прежде всего это эффект неожиданной бесполезности, постигший США после окончания «холодной войны». Новая глобальная конкуренция не имеет открытой блоковой формы и реализуется преимущественно в экономической, а не военной

сфере. В этой ситуации откровенная избыточность (с точки зрения интересов союзников и мира в целом) инфраструктуры глобального военного присутствия США может камуфлироваться только за счет генерирования и консервации множественных локальных конфликтов и конструирования вспомогательных «осей зла».

Далее, это огромный внешний долг и внешнеторговый дефицит, критическая зависимость от внешнего мира в экономической сфере, балансируемая позицией эмитента «мировой валюты». Необходимость обеспечения этой позиции под залог внеэкономических активов (политический контроль за мировыми ресурсами, военное превосходство) опять же отсылает к стратегии генерирования локальных кризисов. При этом позитивные факторы глобального лидерства США – выдающаяся индустриальная мощь, впечатляющие проекты освоения космического пространства, масштабные проекты инфраструктурного развития и преобразования природы – уже далеко не так очевидны, как во второй половине минувшего века. Налицо и растущая геополитическая конкуренция с Китаем, совершающим всё больше шагов, свидетельствующих о его отнюдь не региональных, а о поистине глобальных амбициях.

Эти и подобные обстоятельства делают США державой «эксцентричной» во всех смыслах – вынужденной хронически «выходить из себя», сбрасывая внутреннее напряжение во внешний мир. Только за последнее время мир был свидетелем бесславных американских военных кампаний в Афганистане и Ираке, крупных провалов американской дипломатии и неудачных попыток посредничества в международных конфликтах. Эта политическая стратегия, помимо того, что морально уязвима, еще и весьма авантюристична, так как в условиях дальнейшего ослабления «гегемона» и расширения зоны хаоса, сам этот хаос закономерно становится совершенно неуправляемым, а это чревато фатальными последствиями для всей человеческой цивилизации.

Россия никогда не стремилась к мировому господству – более того, эта роль совершенно неорганична и противоестественна ее политической культуре. Для российских

консерваторов традиционно представление о роли России как Катехона – «Удерживающего», препятствующего, с одной стороны, глобальной анархии, с другой – глобальной монополии и гегемонии. И то, и другое (особенно учитывая взаимопереходы хаоса и гегемонии) чревато вполне апокалиптическими последствиями. В этом принципиальное мировоззренческое оправдание политики баланса сил, характерной для школы политического реализма, которая все больше ассоциируется с российской линией с момента возвращения Москвы к активной роли в международной жизни.

Полемика политического реализма с идеалистической философией международных отношений является проекцией дебатов консерватизма и Просвещения в плоскость международной политики. Принято считать, что консервативная / реалистическая школа отвергает в этих дебатах моральный взгляд на политику. В действительности она отвергает претензию на монополизацию морали какой-либо из сторон международных отношений.

Как отмечает один из основоположников реалистической школы Ханс Моргентау, «политический реализм отрицает тождество морали конкретной нации и универсальных моральных законов... Все нации испытывают соблазн – и лишь немногие могут противиться ему в течение долгого времени – представить собственные цели и действия как проявление универсальных моральных принципов» и безоговорочно «утверждать, что хорошо и что плохо в отношениях между нациями». Политика сегодняшнего мирового лидера в полной мере подвержена этому соблазну. При всех различиях в политических пристрастиях Уильяма Клинтона и Джорджа Буша-младшего, во внешней политике они явили миру две равно агрессивные версии политического идеализма (доктрина «гуманитарного вмешательства», с одной стороны, и «неоконовская» повестка новых «крестовых походов» вкупе с чередой «цветных революций» – с другой).

Именно агрессивный идеализм либеральных миссионеров конца XX – начала XXI века стал знаменем глобальной «стратегии хаоса», открывая двери демонизации ге-

ополитических оппонентов, развязывая руки в выборе средств, благополучно скрывая за своими фасадами сколь угодно узкие корпоративные интересы и главное – исключая саму возможность ответственного контроля над запускаемыми процессами реформирования шатких государств и регионов.

Кажется, именно к политике «одиокой сверхдержавы» обращено предостережение Ганса Моргентау, высказанное им в куда более стабильную эпоху американо-советской биполярности: «Отождествление политических действий конкретного государства с волей Провидения не может быть оправдано с моральной точки зрения, ибо это, по сути, проявление такого греха, как гордыня, против которого греческие трагики и библейские пророки предупреждали и правителей, и управляемых. Такое отождествление опасно и с политической точки зрения, ибо оно может вызвать искаженный взгляд на международную политику и в конечном счете привести к тому, что государства будут стремиться уничтожить друг друга якобы во имя моральных идеалов либо самого Господа».

«Мир-экономика» против «открытой экономики»

Все без исключения развитые на сегодняшний день нации прошли через длительный период интенсивного протекционизма. По большому счету именно благодаря ему они и стали развитыми и сильными. И только после этого стали переходить к либерализации своих торговых отношений с внешним миром. Серьезный, тщательный анализ любому объективному исследователю покажет, что все сильные в экономическом отношении страны продолжают использовать протекционизм и сейчас – причем и в явном, и, в гораздо большей степени, косвенном виде.

«Свобода торговли» – это доктрина, произведенная на экспорт в качестве инструмента преодоления барьеров на внешних рынках. Сегодня не только для России, но и для многих других стран, стремящихся к национальному развитию, актуальна не либерализация торговли, а протекционизм и активная поддержка национальных производителей. Граф С.Ю. Витте в своей работе «По пово-

ду национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист» писал: «Мы принадлежим человечеству и потому не можем быть равнодушны к его преуспеянию; но мы прежде всего русские, <...> а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленных и гипотетических интересов человечества. <...> Наше воображение, не стесняемое пределами времени, может предвидеть в отдаленном будущем свободу обмена, основанную на всеобщем мире; но наш здравый смысл, возвращая нас к реальным фактам, в ожидании такого золотого века, указывает нам на необходимость, чтобы наше отечество было снабжено всеми средствами для защиты против действительно существующей национальной борьбы, стирающей с лица земли те нации, которые не заботятся о своих национальных интересах».

«Глобальная гармонизация» за счет поправления национальных интересов – это фикция. Подлинная гармонизация на глобальном уровне возможна лишь на основе всей полноты учета интересов отдельных наций. Борьба за справедливые экономические отношения, которые отвечают истинным национальным интересам большинства стран, может стать важным фактором мягкой силы России в мире. Факт нынешнего кризиса ВТО, грозящий стать перманентным и нескончаемым Дохийский раунд переговоров, безуспешно идущий аж с 2001 года, появление оформившихся оппозиционных групп внутри торговой организации (CAIRNS Group и др.), возврат протекционистской риторики в респектабельный политический контекст даже в развитых странах – все это определяет хорошие шансы на поддержку позиции России по конструированию альтернативных правил международных экономических отношений, если такая позиция будет артикулирована.

Идее открытой, узкоспециализированной экономики, активно встроенной в систему международного обмена и неспособной существовать без такой системы, противостоит идея относительно самодостаточной «национальной экономики», предполагающей полноту воспроизводственного контура.

В последние два десятилетия внешнеэкономическая политика России, проводящаяся

отечественными либералами, с порога отвергает идею автаркии (или квази-автаркии). Однако международная специализация, активное участие в мировом разделении труда редко являются приоритетными факторами развития крупных государств и экономик. Для крупных по размеру стран зависимость экономики от внешней торговли уступает роли внутреннего рынка. Чем больше страна – тем в большей мере она развивается с опорой на внутренний рынок. Беспристрастный анализ показывает, что все крупные страны тяготеют к квази-автаркии. Причина этого понятна.

С одной стороны, организационно-экономические и технологические параметры современного производства таковы, что эффект экономии от масштабов – основа конкурентоспособности в нынешних условиях – достигается только на больших по объему рынках. Для малых стран достижение такого фактора конкурентоспособности возможно только при условии узкой специализации и работы на мировой рынок в рамках международного разделения труда (для крупных стран указанная проблема не существенна). С другой стороны, такая узкая специализация хозяйства делает экономику чересчур зависимой от внешних условий и предполагает уязвимость страны в случае международных конфликтов, войн, введения санкций, установления блокады, иных колебаний конъюнктуры.

Возникает острое противоречие: эффективность требует узкой специализации, а это ведет к подрыву безопасности.

Выходом для малых стран становится региональная интеграция, позволяющая достроить неполные национальные воспроизводственные контуры и коллективно отстаивать свои интересы в международной конкурентной борьбе. И реальное содержание всех идущих процессов создания зон свободной торговли и прочих подобных ассоциаций по своей сути прямо противоположно глобализационной модели всеобщей открытости и свободной торговли.

Налицо не идиллическая «оптимизация» мировой экономики на основе либерального принципа «свободной торговли», а оптимизация форм международного экономического

соперничества. Геоэкономическое противостояние все явственнее переходит с межстранового уровня на уровень борьбы макрорегионов.

Отсюда следуют два сопряженных принципиальных вывода.

Во-первых, стратегия социально-экономического развития России должна отойти от догмы открытой экономики и переориентироваться на развитие внутреннего рынка. Россия занимает первое место в мире по территории и девятое – по численности населения. Расчеты показывают, что нормальным отношением величины экспорта к ВВП России следовало бы считать не более 12–15%. Сегодня же роль экспорта в экономике нашей страны является гипертрофированной и практически в два раза выше нормального значения.

Во-вторых, если говорить более глобально, России надо нацелиться на формирование собственного мира-экономики (термин французского историка Фернана Броделя) как «экономически самостоятельной части планеты, способной в основном быть самодостаточной таким образом, чтобы внутренние связи и обмены придавали ей определенное органическое единство».

Условия глобализации делают идею «самодостаточности» как никогда актуальной и полезной в решении вопросов обеспечения национальной безопасности. Россия исторически – и в советский, и в досоветский периоды – тяготела именно к модели мира-экономики.

Но в современном мире, где конкурентоспособность в немалой степени зависит от эффекта экономии на масштабах производства, вопрос одновременного достижения самодостаточности и эффективности напрямую связан с объемом рынка, на который работают производители. По сравнению с Советским Союзом современная Россия стала вдвое меньше по численности населения, соответственно, построение (восстановление) мира-экономики в рамках нынешних наших национальных границ окажется недостаточно эффективным. Все это определяет принципиальную важность активизации усилий по продвижению своего интеграционного проекта на Евразийском

пространстве. Для чего необходимы скоординированные действия в области экономики, торговли, финансов, права, политики, дипломатии, идеологии.

Освоение природы против «виртуализации» прогресса

Вопреки стереотипу консервативным кредо является не отвержение технического прогресса, а скепсис по поводу того, что технический прогресс будто бы по определению означает прогресс общественный, моральный, культурный; недоверие к идее линейного прогресса, в логике которой «все новое лучше старого» и «завтра непременно будет лучше, чем вчера». Повышенная тревожность по поводу отдельных плодов технологического развития, его социальных и гуманитарных последствий, о которой шла речь выше в связи с биотехнологиями или «виртуальными технологиями», является для консерваторов поводом не отвергнуть прогресс как таковой, а поставить вопрос о его альтернативах, принципиальных развилках.

В эпоху «модерна» технологический прогресс ассоциировался с масштабным освоением природы с помощью техники, которая является проекцией человека во внешнюю среду. Однако уже где-то с 70-х годов XX века такое представление о прогрессе стало утрачивать силу. На смену мечтам об освоении космических пространств и океанов пришла идея прогресса как создания все новых и новых рыночных ниш, индустрия не просто удовлетворения, но производства и перепроизводства искусственных потребностей. Миллионы людей по всему миру каждый день часами «осваивают» виртуальные миры игр и социальных сетей, а выход нового айфона волнует мир куда больше, чем создание новой космической станции. То есть драйвером развития технологий стали маркетинговые улучшения, а не масштабные геополитически / социально значимые проекты.

Примечательно, что «виртуализация» технологического прогресса шла рука об руку с виртуализацией экономики. И то, и другое стало знаменем постиндустриальной идеологии, изменившей саму сущность хозяйственной деятельности человека: вме-

сто преобразования природы и решения насущных проблем человечества на основе промышленной мощи и технического прогресса – деиндустриализация, господство финансовой сферы над реальным сектором, сервисная экономика; вместо справедливого вознаграждения за труд – «экономика казино» (доходы от спекулятивных операций на финансовых рынках).

Серьезную роль в отказе от классической модели прогресса сыграл экологизм как философия, уравнивающая права человека и природы, а потому отрицающая право человека на ее изменение. Экологистское мировоззрение внесло немалую лепту в вытеснение индустриального уклада «экономикой услуг» и развитие виртуальных, во всех смыслах, сервисов. На уровне общественного сознания идеал прогресса как освоения мира вытесняется идеалом «прогресса наоборот» – отказа от благ цивилизации в пользу экологически «правильной» жизни с минимальным вмешательством в природу. В то же время, прогресс как развитие тесно связан с моделью индустриальной, а не «сервисной» экономики. Причем созидание в контексте парадигмы развития консерваторы видят через индустриализацию и прогресс техники как проекции человека во внешний мир, а не через технологии изменения человеческой природы (тела и личности) или технологии виртуальных пространств.

В этом отношении, именно наша страна, для которой проблема освоения пространства (причем «тяжелого» – протяженного и высокоширотного) является одним из главных цивилизационных вызовов и которая к тому же имеет исторический опыт реализации масштабных инфраструктурных и научно-технических проектов, могла бы взять на вооружение философию «большого стиля» в техническом прогрессе. То есть вернуться к модернистской парадигме «освоения стихий» вместо постмодернистского «нашествия гаджетов». Важными «посланием» России окружающему миру – причем не только в научно-техническом и хозяйственном, но и культурном смысле – должны стать выход на новые рубежи в космической деятельности и комплексное освоение Арктики.

Национальная модель развития против «политического постмодерна»

Британский исследователь и дипломат Роберт Купер в одной из своих работ разделил мир на три условные зоны и три типа государств. Во-первых, это «досовременные государства» (точнее, территории, на которых государство в строгом смысле де-факто не существует и которых по-прежнему немало в отдельных регионах Азии или Африки). Во-вторых, это «современные государства» (типа стран группы БРИКС), преследующие национальные интересы. В-третьих, это «постсовременные государства» ЕС, которые основаны на сознательно принятых правилах самоограничения и взаимного вмешательства и ориентированы на приоритет этических норм над политическими интересами. В версии Купера эта типология касается прежде всего моделей поведения государств на международной арене, но «брюссельская Европа» предъявила миру некий постнациональный проект по целому ряду параметров:

- отказ от прежней политики культурной интеграции / ассимиляции (торжествующий в СМИ и школах мультикультурализм, массовая иммиграция с «бедного Юга» размывают основу основ современных обществ – ту достаточно высокую культурную однородность развитых стран, которая была обеспечена работой систем массового образования на протяжении двух минувших столетий);

- усиление региональных / локальных идентичностей и полномочий, размывающих прерогативы национального государства «снизу»;

- перенос центра тяжести ключевых решений (прежде всего в сфере экономической стратегии) с национального уровня на уровень наднациональной бюрократии и транснациональных корпораций;

- принятие модели внешнего силового протектората (со стороны США);

- запрограммированный «дефицит лидерства».

Последний пункт нуждается в некоторых пояснениях. Дело не в том, что в Европе больше не рождается де Голлей и Аденауэров, а в том, что система их заведомо отторгает – если политик имеет соответствующий

потенциал, он автоматически будет заклеен диктатором и, вероятнее всего, нейтрализован на ранних подступах к власти.

На фоне этой политической анемии образ российского лидера, гипертрофированный в том числе усилиями его недоброжелателей, все больше гипнотизирует европейского зрителя. Так, немецкий колумнист Ян Фляйшнер из «Spiegel Online» (постоянно занимающийся демонизацией Путина и сравнивающий его с Гитлером и Пиночетом) вынужден констатировать, что «многие немцы восхищаются Путиным», чье поведение – демонстративно «мачистское» и самоуверенное, что на фоне европейского пацифизма, феминизма и борьбы с любой дискриминацией выглядит как «привлекательное Другое», как то, чего сегодня в Европе уже нельзя себе позволить.

Полагаем, дело в данном случае не в невозможности позволить себе вызывающий «мачизм» – дело в невозможности позволить себе само лидерство. Это весьма существенная часть той постнациональной модели политики, которую стал олицетворять ЕС: «сильный лидер» национального уровня – это не просто фигура политического театра, это важный механизм национальной субъектности (то есть конвертации массовых чаяний и запросов в политические действия), по сути, заблокированный в «постмодернистской» системе координат.

В целом модель постнационального будущего, явленного в европейском настоящем, выглядит всё более блеклой со стороны и переживает очевидный кризис доверия внутри Европейского Союза. Евроскептические настроения становятся все более популярными – и прежде всего в крупных европейских странах, для которых ресуверенизация является реалистичной перспективой.

Для многих сторонников ресуверенизации европейских государств Россия является положительным примером и желательным союзником. В том числе в силу того, что постсоветская Россия также прошла – или, точнее сказать, – проходит свой путь ресуверенизации. Ну и, разумеется, в силу самого геополитического масштаба страны.

«В период дебатов о глобализации и всеобщей зависимости, – пишет Эммануэль

Тодд, – Россия... может стать гигантской демократической страной, имеющей равновесие внешнеторгового баланса и обладающей энергетической независимостью. Короче говоря, в мире, где доминируют Соединенные Штаты, она может стать воплощением голливудской мечты». Безусловно, потенциал флагмана национальной модели развития, которым обладает наша страна, сегодня да-

лек от полноценной реализации. Однако он, безусловно, существует – в первом же президентском послании после своего возвращения в Кремль Владимир Путин сделал выразительный акцент именно на национальной модели развития, и политическая ситуация, сложившаяся после кризиса на Украине, создает более чем достаточные побудительные мотивы к ее реализации.

IV. Россия как «другая Европа»

Внутриевропейский ценностный диалог

Долгое время Россия в повестке своих взаимоотношений с европейскими партнерами пыталась уйти от разговора о ценностях, предлагая сосредоточиться на более прагматичных вопросах. Однако партнеры продолжали настаивать на этом разговоре, вероятно, считая «европейские ценности» чем-то вполне очевидным и определенным. Но это весьма поверхностный и потребительский взгляд на европейские ценности – как на готовый продукт в упаковке от производителя. Если воспринимать их более осмысленно, нельзя не увидеть того, что они представляют собой не монолитный канон, а поле подчас непримиримых конфликтов.

История европейской идеологической мысли – это история «холодной», а подчас и «горячей» гражданской войны. Лишь очень ограниченный отрезок времени (примерно соответствующий периоду всемирного прочтения эссе Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории») можно было считать эту войну законченной. Из перспективы начавшегося XXI века можно констатировать, что идеологические противоречия, причем прежде всего именно внутри западного мира, который остается основной ареной производства идеологических текстов, не идут на спад, а нарастают. Круг этих противоречий был отчасти очерчен выше (глобализация и суверенитет, иммиграция и мультикультурализм, судьба среднего класса и статус меньшинств, биоэтика и семейные ценности, национальные интересы и политика вмешательства и т.д.).

Конечно, можно возразить, что в пределах западного мира эти и подобные им конфликты разворачиваются в рамках базового консенсуса о демократии и правах человека. Но при ближайшем рассмотрении эти консенсусные позиции также оказываются ареной конфликта.

Так, консенсус о демократии скрывает конфликт вокруг вопроса о том, что есть субъект демократии, что есть «демос» – общество граждан, объединенных единой культурой, историей и судьбой или мультикультурный конгломерат общин и индивидов, связанных лишь формальной лояльностью праву?

Консенсус о правах человека скрывает конфликт вокруг вопроса о границах и константах человеческой природы, о котором мы говорили выше (что есть «человек» – мужчина и женщина из Книги Бытия или полиморфное существо, свободно экспериментирующее с собственной природой; является ли «человеком» с соответствующим набором прав эмбрион в чреве матери и т.д.?).

Достаточно осознать эти внутренние разломы и коллизии в пространстве «европейских ценностей», чтобы подразумеваемый ценностный диалог с Европой предстал в совершенно ином свете, и, кажется, в России возникло это осознание.

В 2013 году в ходе выступления на Валдайском форуме Путин отметил: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая

традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану. Это прямой путь к деградации». Комментируя это, известный американский консерватор Пэт Бьюкенен назвал Путина в “The American Conservative” защитником христианства, который пытается показать, что Россия – центр сопротивления контр-реформаторства новому язычеству. Американский консерватор видит в логике Путина отголоски деклараций Иоанна Павла II, который в своей энциклике “*Evangelium Vitae*” («Евангелие жизни») в 1995 году подверг Запад суровой критике за его поклонение «культуре смерти», имея в виду «капитуляцию Запада перед сексуальной революцией с ее простотой развода, повсеместной половой распущенностью, порнографией, гомосексуализмом, феминизмом, абортами, однополыми браками, эвтаназией, самоубийствами при содействии других людей и заменой христианских ценностей ценностями Голливуда». Бьюкенен убежден, что Путин твердо и уверенно водружает российский флаг на стороне традиционного христианства с полными основаниями, потому что Москва с XV века является наследницей Византии, Третьим Римом.

Замечания Бьюкенена интересны тем, что в них отчетливо расставлены акценты в вопросе о том, с какой цивилизационной платформы ведется эта российская критика. Для Бьюкенена и многих других западных консерваторов сила российской позиции заключается в том, что она может быть заявлена не извне, а изнутри европейского культурного пространства.

На фоне критики «пост-Европы» Россия ни в коей мере не должна позиционировать себя как часть Азии или условной «не-Европы». Подобная позиция сыграет на отрыв России не только от ее потенциальных союзников в западном мире, но и от собственных культурных корней. Русская культура является одной из эталонно европейских культур, уходящих корнями в общее наследие христианства и античности.

Важным тезисом является связь России с Восточной Римской империей – Визан-

тией. Сам факт этой связи и исторической преемственности не позволяет «выбросить» Россию из европейского поля, России же дает полное право на свое видение европейской идентичности. «Византийский» аспект вопроса о ценностях мало известен европейским экспертам. Однако есть те, кто, несмотря на сложность перевода таких метафизических аргументов на язык СМИ, пытается объяснить европейцам, что Россия «традиционно видит себя страной Европы, но другой – византийской, а не римской» (А. Пар): «Россия всегда искала свою Европу, она хочет быть Европой, но не западной Европой – своей восточной или “византийской”. По моим ощущениям, средний россиянин чувствует себя европейцем, но при этом желает отличаться от немцев, французов, англичан или поляков. Русские не хотят, чтобы их постоянно учили. Эти глубокие ментальные противоречия имеют глубокие исторические корни. Современный ЕС – наследник Западной Римской империи, тогда как Россия – духовная дочь Византии»¹.

Византийское наследие – вовсе не умозрительная игрушка историков. Это серьезнейший аргумент, позволяющий России позиционировать себя как равнозначного партнера в дискуссии о европейских ценностях. Разумеется, наряду с багажом собственно русской культуры это позволяет консервативному сообществу в России поддерживать здоровый диалог с Европой не в формате «учеников Запада» и не в формате конфронтации, а с позиции одного из соавторов европейской цивилизации. Это особенно важно сейчас, когда мы наблюдаем, как начинается новая «холодная война», когда для европейцев начинают вновь создавать в лице России образ главного врага. Нужен диалог об общности ценностей российского консерватизма и классических европейских ценностей, в том числе христианских. Подобный диалог должен происходить на уровне общественных организаций, экспертного сообщества, «гражданской дипломатии».

В этом диалоге у России есть все основания для того, чтобы именно в жесткой

¹ Пар А. Россия станет другой Европой // Невское время. 2013. 12 июля.

ценностной полемике с европейским «политическим постмодерном» позиционировать себя как наследницу классической Европы с ее культурой и традициями. В ситуации, когда честная дискуссия о кризисе европейской цивилизации внутри ЕС затруднена, инициатива таких дискуссий со стороны России дает эффект «отраженного света», усиливая позиции консервативных европейских экспертов, чей голос слабо слышен.

Европейские консерваторы как новые диссиденты

То отторжение, которое вызывает Россия у части европейского истеблишмента и особенно медиа-сообщества, отнюдь не должно служить аргументом в пользу ее «неевропейской» сущности. Ведь европейских консерваторов в ЕС демонизируют и маргинализируют не меньше, чем Россию. В то время как они всего лишь хотят защитить ту европейскую идентичность, которую считают подлинной.

Весьма показателен пример прошедших в 2013 году во Франции массовых протестов против недавно принятого закона «Брак для всех», разрешившего гомосексуальным парам усыновлять детей, а также внесшего во французское правовое поле существенные изменения: вместо понятий «мужчина» и «женщина» вводится понятие «личность», а понятия «мать» и «отец» заменяются на «родитель № 1» и «родитель № 2». Протесты против этого нововведения преподносятся как результат гомофобии или радикализма католиков-традиционалистов. Однако организатором этих акций выступила вовсе не церковь, а движение «Французская весна», участники которого не имеют ничего против однополых союзов (для которых во Франции юридически уже давно существуют способы оформления). Вовсе не это видится французам угрозой для традиционных ценностей, а то, что вне закона оказываются поставлены азы человеческой цивилизации, которые подразумевают, что родителями ребенка должны быть отец и мать. Руководитель движения Беатрис Бурже в интервью британской «Independent» заявила: «Я в разводе. Как я могу быть католической экстремисткой?

Я никогда не голосовала за правых радикалов. Я решительно против любого рода насилия. Мы выступаем за нарушающее закон, но ненасильственное сопротивление. То есть мы намерены не подчиняться государству, которое навязало стране закон, искажающий и подрывающий истинные основы человеческого общества и цивилизации»¹.

Интересный анализ французских протестов против данного закона можно найти у публициста Дэвида Белла в журнале «Foreign Affairs». Автор утверждает, что вопреки представлениям американцев основным аргументом против однополых браков является вовсе не религиозный консерватизм. Он указывает, что «противники однополых браков в основных политических партиях Франции в массе своей дистанцировались от религиозных групп. Лишь незначительная часть уличных демонстрантов, у которых были взяты интервью, говорили о Боге <...>. В действительности наиболее значимая часть оппозиции имеет корни в профессиональных сообществах, таких как профессора права и психоаналитики, чьи коллеги в США в большинстве своем обычно благоволят однополым бракам. Значительное число публичных интеллектуалов также громко выступили против закона». Более того, Белл утверждает, что против таких радикальных трансформаций права в угоду гендерному радикализму выступают даже французские феминистки, поскольку во Франции феминизм, говоря о равенстве прав, не подразумевал стирания различий между полами².

Таким образом, сторонниками традиционных моделей в Европе на самом деле могут выступать отнюдь не только и не столько некие традиционалисты и религиозные фундаменталисты, а представители интеллектуальных и научных кругов и вообще вполне современные люди с гуманистическими и демократическими взглядами. Именно это и

¹ “I’m no homophobe – but the law on gay marriage undermines humanity”: Is Béatrice Bourges of Printemps Français the most dangerous woman in France? // The Independent, 10 June, 2013.

² Bell, David A. Liberté, Égalité, but Not Homosexualité. Why French Feminists Are Fighting Gay Marriage // Foreign Affairs, June 24, 2013.

должны подчеркивать сторонники разумных консервативных ценностей, ведь главным аргументом в атаке на «новый консерватизм» со стороны либеральных неопрогрессоров станут обвинения в мракобесии и возврате к темным векам.

Международные проекции европейской идеи: соблазн безответственного вмешательства

Россия должна постоянно напоминать соседям о том, что возврат в Средневековье и переход власти к религиозным фанатикам происходит сегодня не по инициативе консерваторов, а по вине либеральных универсалистов, поощряющих политику вмешательства во взрывоопасных регионах, следствием которой становится разрушение светских политических режимов и усиление религиозных радикалов.

В 2003 году вышла знаменитая статья Юргена Хабермаса и Жака Деррида «15 февраля, или Что связывает европейцев», в которой манифестации против войны в Ираке предлагалось считать точкой отсчета общеевропейской идентичности. Составными частями этой идентичности согласно Хабермасу являются: секуляризация; приоритет государства по отношению к рынку; социальная солидарность, доминирующая над чисто производственными достижениями; скепсис в отношении всемогущества техники, осознание парадоксов прогресса; отказ от права более сильного; ориентация на сохранение мира в свете «исторического опыта утрат». Как писал Хабермас, Европа успешно смогла найти форматы передачи полномочий на наднациональный уровень и создать формы социальной справедливости и государств всеобщего благосостояния, а вызов ее ценностям – это агрессивная политика мирового гегемона: «Запад расколола не угроза международного терроризма, а политика нынешнего правительства США, игнорирующая международное право».

Однако впоследствии оказались правы евроскептики со своим аргументом о том, что «не существует единого европейского народа», – европейцы не одобрили единой Конституции. Возникли проблемы с толерантностью – Швейцария провела с известным результа-

том «референдум о минаретах», а в Германии Ангела Меркель заявила, что политика мультикультурализма «совершенно провалилась». Вместо превращения в единую общеевропейскую общественность (Öffentlichkeit), граждане различных стран ЕС с развитием экономического кризиса одинаково видят себя жертвами и обмениваются взаимными обвинениями – в начале 2013 года “Eurobarometer” показал во всех странах рекордный за всю историю ЕС показатель недоверия к идее Евросоюза как института. То есть «единства в ценностях» в ЕС вовсе не наблюдается.

Стремительно роняет в глазах мира демократические ценности пост-христианской Европы и торжество двойных стандартов, принявшее в последнее время беспрецедентные формы. Главный фактор, который нивелирует усилия по позиционированию европейских ценностей как универсальной нормы, – это двойные стандарты в военных конфликтах. Если зарождение «евронации» виделось в массовых манифестациях против военной кампании США в Ираке, то уже в 2007 году Хабермас смягчил свою же формулировку – раскол Запада надо преодолеть на пути создания «биполярной» общности «такого Запада, который впредь постарается не проматывать свою и без того подмоченную нормативную репутацию». Европа должна, с одной стороны, «непредвзято и самоосознающе смотреть на США», но в то же время «противостоять малейшим проявлениям антиамериканизма». Однако европейцы продолжили успешно «проматывать и подмачивать» репутацию сначала в ливийской кампании, потом в Сирии. Так, на прошедшем в 2013 году в Москве американо-российском семинаре, организованном вашингтонским Центром за национальные интересы (The Center for the National Interest), представители американской делегации заявили, что вовсе не являются основными «застрельщиками» поддержки сирийской оппозиции и что некоторые их европейские партнеры проявляют в этом отношении большую самостоятельную инициативу.

А то, как ЕС в лице его многочисленных правозащитных организаций, СМИ и ценностно ориентированных политиков «реагирует» на радикальный национализм на Украи-

не и военную операцию Киева против своих граждан с участием неонацистов, – уже окончательно ставит под вопрос репутацию «глобального поставщика» демократии. Нет сомнений, что эта ситуация будет впоследствии расцениваться как один из самых недостойных эпизодов европейской истории.

На таком фоне упреки в адрес России в применении подходов XIX века начинают обретать обратный эффект. Идеи баланса сил в рамках «концерта» великих держав, ставшие «визитной карточкой» международной политики XIX столетия, выглядят более привлекательно, чем философия безответственного вмешательства, ставшая уже не только американской, но и европейской «модой» в начале XXI века.

В этой связи Эрик Познер, профессор Школы права Чикагского университета, пи-

шет в “Foreign Policy”, что «это не Путин тянет мир назад в XIX век, это Обама должен перестать притворяться, что на дворе все еще 1991 год». По мнению автора, если в XIX веке великими державами были Российская империя, Британия, Франция, Италия, Япония и США, то сегодня в этот список можно включить США, Китай, Россию и Евросоюз. Круг великих держав, несомненно, можно уточнять, как и критерии, по которым он формируется, но несомненно, что наилучшей гарантией предсказуемого мира является сама способность крупных держав к диалогу на основе признания друг друга в качестве равнозначных (хотя, конечно же, не обязательно равных по силе) игроков, действующих на основе собственных национальных интересов¹.

V. Консервативный диалог на мировой арене

На фоне той эскалации насилия, которую США и их союзники по «насильственной демократизации» разворачивают в мире, моральные позиции России укрепляются. Особенно если внятно артикулировать ценностные основания своей позиции и выстраивать диалог с теми, кто готов нас услышать.

Союзников по продвижению консервативной повестки дня Россия может найти практически по всему миру.

По многим направлениям такой диалог уже ведется. Началось восстановление интеллектуальных взаимосвязей с организациями русской диаспоры в европейских странах, с гуманитарными структурами межславянского взаимодействия, развитие смыслового элемента межцерковного, в том числе христианско-мусульманского диалога, межпартийный диалог с зарубежными политическими партиями, разделяющими социально-консервативные ценности.

Вышел на новый уровень диалог с католическим миром. Наиболее знаковыми в этом плане оказались два события – визит Патриарха Кирилла в Польшу и поддержка российской позиции по Сирии со стороны Папы Франциска. Исторически предрешенные разногласия по Украине внесли диссонанс в эту

картину, но тем не менее католические сообщества остаются важнейшим адресатом консервативного диалога.

Папские энциклики последних десятилетий, социально-богословская деятельность католической церкви и ее организаций, политические проекции католицизма («теология освобождения», христианско-демократические партии и т.д.) и социально-политическая активность католических общин в различных странах свидетельствуют, что повестка такого диалога может включать следующие темы: критика глобализации и ее последствий, справедливое устройство мира, построение модели мировой экономики в соответствии с христианскими ценностями, пределы применения силовых методов в политических конфликтах, насущные проблемы человечества и пути их решения, защита традиционной семьи и норм традиционной морали, этика труда, биоэтика, проблема культурной деградации и многие другие. Выстраивая диалог в этом направлении, Россия должна исходить из общности (или как минимум высокой степени конгруэнтности) стра-

¹ Posner, Eric A. Sorry, America, the New World Order Is Dead // Foreign Policy, May 6, 2014.

тегических глобальных целей как своих, так и католического мира, не забывая при этом о наличии противоречий регионального характера. Кроме того, указанный диалог должен охватывать как Ватикан, так и другие страны (прежде всего преимущественно католические страны Европы и Латинской Америки), он также должен происходить на различных уровнях – на уровне политических элит, на уровне межцерковных и богословских отношений, на уровне экспертных сообществ и организаций гражданского общества.

Хотя именно США сегодня являются главным ястребом «холодной войны» и осуществляют координацию ценностной агрессии в форме поощрения «цветных революций», экономической глобализации и военного принуждения, это не означает бесповоротной конфронтации с США как государством, а главное – с американским народом. Россия в своих обращениях к американской нации может апеллировать к опыту продуктивного взаимодействия России и Америки в эпохи Александра II и Линкольна, Сталина и Ф.Д. Рузвельта, Брежнева и Никсона, принципиально свидетельствующего о возможности мирного сосуществования на основе понимания как общих угроз, так и общих цивилизационных задач в условиях сильного, обращенного в будущее лидерства в обоих государствах. Как мы уже указывали, идеи России о защите консервативных ценностей находят отклик у некоторых американских консерваторов. В самих США идет серьезнейшая дискуссия о том, что неолиберальная глобализация, которую Америка несет всему миру и распространяет на собственную страну, угрожает американским же традициям.

В числе адресатов консервативного диалога следует отдельно выделить две группы стран, применительно к которым этот фактор мягкой силы может иметь особое, стратегическое значение. Речь идет о странах БРИКС и некоторых тяготеющих к этой группе странах, с одной стороны, и о традиционных европейских партнерах России – с другой.

Страны «второго мира»

Россия не может и не должна претендовать на воссоздание даже подобия со-

ветской сферы влияния. Это избыточно и во всех смыслах затратно. Но для России крайне важно обозначить пространство возможных альянсов (прежде всего экономико-технологических) и пространство возможного лидерства (политического и ценностного). Таким пространством может быть та часть международного сообщества, которую можно обозначить термином «второй мир».

Концептуальной основой для его вычленения можно считать понятие «полупериферия», введенное в свое время Иммануилом Валлерстайном для обозначения некоей промежуточной зоны между центром и периферией миросистемы. Такое положение выражается не только в средних экономических показателях полупериферийной страны по сравнению с «развитыми» или «отсталыми» странами. Речь скорее об особой позиции в мирохозяйственной среде. Являясь Периферией по отношению к мировому Центру, полупериферийная страна сама может становиться центром притяжения для окружающей ее Периферии. Такая страна способна защищать свой внутренний рынок от Центра и, наоборот, вторгаться на рынки менее развитых стран. Это подкрепляется не только экономическими, но также военными и политическими предпосылками (прежде всего дееспособностью национального государства). В каждом конкретном случае потенциал такого государства определяются уникальной комбинацией черт развитости и отсталости. К примеру, страна полупериферии может иметь сравнительно низкий душевой ВВП, отсталое сельское хозяйство, авторитарный политический режим – и вместе с тем значительные технологические достижения, сильную армию и качественную систему образования. Решающее значение имеет масштаб и размер страны (большая территория, население порядка 100 млн и более), – то есть обширные природные и человеческие ресурсы, которые создают возможности для создания относительно автономного национального воспроизводственного контура.

Сам Валлерстайн причислял к Полупериферии сразу несколько десятков государств – Бразилию, Аргентину, Мексику, Венесуэлу, Чили в Латинской Америке; Турцию, Иран, Индию, Индонезию, Китай, Южную Корею,

Вьетнам – в Азии; Нигерию, Заир и ЮАР – в Африке; а также восточноевропейские страны и СССР, часть Южной и Северной Европы. Сегодня ядром этого кластера государств выступает группа БРИКС.

Изначально BRIC – условная статистическая категория, предложенная аналитиками. Но сам факт ее превращения в своего рода политический клуб говорит о том, что эта типологическая общность рождает также определенную общность принципов и подходов к международной политике и внутреннему развитию. Главной особенностью этих стран является обширный внутренний рынок, который задает тон при реализации стратегии национального развития. Разумеется, все это становится возможным лишь при наличии сильного государства и достаточной степени национальной консолидации.

Категория полупериферии лишь отчасти коррелирует с той типологией государств, которую предложил Роберт Купер (см. выше: «досовременный» мир – «современный» – «постсовременный»), но можно уверенно утверждать, что именно полупериферийный статус в миросистеме соответствует «современной» системе ценностей, которая, как мы говорили выше, является консервативной в ситуации противодействия «политическому постмодерну». Речь идет о ставке на национальный суверенитет против политики вмешательства, стратегию национальных интересов против морального универсализма, баланс сил против стратегии хаоса, национальную консолидацию против фрагментации идентичности, моральное большинство против коалиции меньшинств. Поэтому естественной платформой для ценностного диалога России со странами этой группы является приверженность национальной модели развития в противовес постнациональной утопии ЕС или безответственному империализму США.

В той мере, в какой России удастся воплотить эту модель развития на собственном опыте, она сможет стать политическим флагманом для стран «второго мира».

Европа наций

Существует расхожее мнение, что политики, экспертные сообщества и бизнес-

круги Европы симпатизируют в России только тем силам, которые имеют откровенно неолиберальную окраску, в то время как консервативные, патриотические и социал-демократически настроенные российские сообщества могут опираться только на внутрироссийские ресурсы – либо искать союзников в странах, не входящих в западный мир. Это представление ошибочно. «Запад» и «Европа» весьма неоднородны, и там есть круги, заинтересованные в существовании сильной России как политического, делового и идейного партнера, а не в ее низведении до ресурсной периферии в мировом неолиберальном проекте. Эти люди и сообщества могут стать важными союзниками в целом ряде направлений, в частности, в поле идеологических и информационных противостояний, имеющих сегодня критическую значимость. Здесь как никогда важна роль весьма мало используемого, к сожалению, до сегодняшнего момента инструмента «гражданской дипломатии» на уровне интеллектуальных, экспертных и бизнес-сообществ.

Очевидно, что осталась в прошлом стабильность американско-советской биполярной эпохи, благодаря которой Европа могла на время ощутить себя «тихой заводью» человечества. Соответственно, и Соединенные Штаты перестали быть гарантом безопасности Европы. Стратегический альянс Европы и США остался в силе, никуда не делось и колоссальное военное преобладание США. Но вот угрозы, которые вышли на первый план для ЕС – войны и революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке, массовая иммиграция, рост исламизма внутри ЕС и в соседних регионах, наркотрафик и трансграничная организованная преступность, – нисколько не парируются военной мощью США, а подчас и подогреваются ею. Сегодняшнее нагнетание «российской угрозы» призвано вновь актуализировать американское присутствие в Европе и хотя бы на время искусственно смоделировать ту геополитическую ситуацию, в которой зарождался проект ЕС.

Соответственно, естественной задачей России является возвращение Европы к осознанию реальных угроз, каковыми являются нестабильность большой «исламской

дуги», опоясывающей как Россию, так и ЕС, и экономическая маргинализация Европы на фоне стремительного роста Восточной Азии. В обоих случаях США «играют» скорее на усугубление этих угроз, чем на их нейтрализацию. Российский потенциал, напротив, был бы очень полезен зарубежной Европе для их парирования. Россия, со своей стороны, также тяготеет к европейски ориентированной политике в силу как цивилизационных, так и экономико-технологических причин.

Вопрос лишь в наличии политических и общественных сил, способных это осознать и принять как перспективу будущего. Сегодня сторонниками российско-европейского альянса являются «суверенисты» / патриоты европейских национальных государств (заинтересованные в ослаблении влияния США и «брюссельской бюрократии»), с одной стороны, и прагматики со стороны бизнеса, заинтересованные в российских рынках, – с другой.

Важным адресатом диалога с Европой является Германия в силу сложившейся сегодня ситуации, когда Берлин, несмотря на сильнейшее давление трансатлантического лобби США и ЕС, готов отстраивать прямые партнерские отношения с Москвой. В последней работе Збигнева Бжезинского “Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power” («Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной власти») одной из задач проекта «Большой Запад» названо предотвращение альянса России и Германии. По мнению Бжезинского, именно усиление сотрудничества России и Германии, основанное на желании немецкого бизнеса получать прибыль, участвуя в модернизации России и осваивая ее рынки, является прямой угрозой концепции «свободной и единой Европы», гарантом которой выступают США.

Это устраивает далеко не всех немцев – достаточно обратить внимание на разворачивающуюся в ходе украинского кризиса внутригерманскую общественную дискуссию о так называемых «Putin-versteher» или «Russlandversteher», то есть тех, кто с пониманием относится к политике России и Путина. Немецкая пресса не может отрицать, что в Германии таких людей немало. В качестве

причины таких симпатий указываются, в том числе, критическое отношение к стратегиям НАТО и «широко распространенный в Германии на бытовом уровне антиамериканизм». Как пишет обозреватель еженедельника “Die Zeit” Бернд Ульрих, Россия и Путин выглядят на этом фоне своего рода противовесом доминированию США. Однако не следует забывать о том, что в Германии крайне сильны и позиции трансатлантического лобби, настаивающего на неприемлемости какого-либо диалога с Россией, если она отказывается от ценностей глобализации, и пытающегося маргинализировать Россию в глазах немцев.

В «новой» Европе наибольший интерес представляют некоторые культурно близкие страны, объективно заинтересованные в партнерстве с Россией, такие как Словакия и Болгария. В «старой» Европе идеи консервативного диалога могут найти понимание в романских странах – Италии, Франции, Испании, каждая из которых имеет свою историю отношений с Россией.

Применительно к Франции можно снова вспомнить слова Бжезинского, открывающего на этот раз иную сторону медали. В 1990 году в интервью газете “Le Figaro” он откровенно признал: в «холодной войне» двое победителей – Америка и Германия – и двое проигравших – Россия и Франция. В самом деле, дипломатический и экономический вес Франции с распадом Советского Союза и возрождением Германии начал ослабевать, а ее идентичность и особая роль в Европе оказались размыты в процессе европейской интеграции.

Так или иначе, потенциал ценностного диалога и взаимопонимания между Россией и европейскими игроками всецело связан с возвращением к деголлевской идее «Европы Отецеств». То есть интеграции – причем более широкой, чем та, что определена форматом ЕС, – при сохранении национального суверенитета и культурной самобытности исторически сложившихся наций.

Вес коалиции в поддержку присутствия России в «концерте» «Европы наций» на сегодня уступает влиянию другой – враждебной российско-европейскому союзу коалиции. В нее входят: та самая «евробюрократия» (она уже убедилась в том, что «российская

угроза» – неплохой способ уравновешивать то разочарование, которое вызывает «брюссельский» проект в самой Европе); американское лобби; русофобское лобби Восточной Европы; влиятельные (особенно в масс-медиа) леволиберальные сообщества, традиционно воспринимающие Россию в качестве «полюса реакции». Вес консерваторов явно недостаточен, для того чтобы сбалансировать и тем более переломить антироссийскую коалицию. Но он достаточен для того,

чтобы обозначить присутствие критически важной альтернативы в недрах самого Европейского союза и надеяться на то, что после череды кризисов (неизбежных как в европейском, так и в российском геополитическом ареалах) именно эта альтернатива станет прообразом другой – большой и амбициозной Европы, вернувшейся к своим историческим корням и реализовавшей пространство стратегического союзничества от Бреста до Владивостока.

VI. Имидж консерватизма

Жизнеспособный консерватизм сегодня должен не просто декларировать набор ценностей – их необходимо предложить обществу в адекватном и современном формате. Это особенно важно при обращении к зарубежной аудитории, которую будут убеждать, что консервативное направление российской идеологии – это шаг в прошлое, а не в будущее.

Если Россия на международной арене претендует на положение не только «полюса силы» с точки зрения ресурсной или военной, но и на создание «полюса влияния» или «полюса смысла», эта концепция должна быть такой, чтобы ее в той или иной мере были способны понять и принять ближние и дальние соседи.

Новый консерватизм возникает в условиях жесткого противостояния, по сути обороны от агрессивного наступления неолиберального в экономическом и леволиберального в мировоззренческом смысле проекта глобализации. Это требует защиты своих позиций с использованием всего арсенала современной информационной войны.

Такой консерватизм не может быть создан простой стилизацией «старой доброй России». Ностальгические отсылки к великодержавности и патриархальному жизненному укладу в современной информационной среде выглядят лишь лубком «а ля рюс», а номенклатурный бессодержательный официоз, даже объявив себя консервативным, лишь усугубит ощущение пустоты и фальши на месте государственной идеологии.

Провокационные заявления консерваторов-радикалов (например, в формате вносимых в Думу и при этом заведомо непроходных, но взвинчивающих общественное мнение законопроектов) в запале «войны ценностей» зачастую лишь отталкивают консервативное, но при этом умеренное российское большинство, не говоря уже о зарубежной аудитории.

Чтобы новая консервативная идея, вобрав наследие традиции, была живой, способной привлекать миллионы, конкурируя при этом с мощной, обладающей всеми возможными ресурсами для своего продвижения идеей неолиберального глобализационного проекта, она должна, выражаясь в модных терминах, стать smart-консерватизмом, говорящим на современном языке, предлагающим не архаику, а модернизированную традицию и в конечном счете собственный эволюционный вектор движения в будущее.

Задача «умного консерватизма» не просто в декларировании защиты объектов ценностной агрессии, а в том, чтобы *а)* показать происходящую подмену понятий (например, «информационная прозрачность» оборачивается абсолютным отсутствием частной жизни и тотальным контролем, а под лозунгами экологизма часто продвигается отказ от масштабных индустриальных и инфраструктурных проектов); *б)* дать свои ответы на актуальные вызовы; *в)* сделать это современным языком, без ухода в стилистическое гетто.

В частности, это означает не позволять вводить дискуссию в сторону заведомой демагогии. Так, сегодня самой спекулятивной

темой оказался вопрос с правами сексуальных меньшинств, и все выглядит так, будто ключевой пункт, по которому консерваторы дистанцируются от либералов, – это вопрос о гей-парадах. Это отвлекает внимание от массы других, куда более важных вопросов. Например, от проблемы сохранения государственного суверенитета в контексте давления на государство наднациональных структур, проблемы разрушения культурной и социальной связности общества вследствие массовой иноэтнической иммиграции, вопроса защиты своей экономики и промышленности, проблемы сохранения собственной национальной системы науки и образования и т.д.

Неожиданный консерватизм

Одним из условий убедительности консерватизма как современной идеологии является способность представлять с неожиданной стороны. Выше мы попытались дать несколько таких ракурсов, идущих вразрез со сложившимися стереотипами восприятия консерватизма.

Консерватизм как гуманизм. Например, есть укоренившееся фоновое убеждение, что гуманистические традиции в европейской культуре противостоят тенденциям к подавлению человеческой личности обществом (церковью, государством, авторитарной властью и т.д.), олицетворяемым как раз консерватизмом. В ответ мы говорим: консерватизм – это и есть гуманизм сегодня. То есть гуманизм в ситуации действия мощных дегуманизирующих сил неолиберального рыночного фундаментализма (превращающего человека в арену непрерывной манипуляции и производства искусственных потребностей), с одной стороны, и перманентной левацкой культурной революции (разрушающей традиционные структуры человеческой личности и даже человеческой телесности) – с другой.

Консерватизм как возвращение к прогрессу. Аналогичная история с прогрессом, традиционно воспринимавшимся в качестве антонима консерватизма. Но сегодня консерватизм – это возвращение к прогрессу. Прогрессу в том его понимании, которое было достигнуто и во многом реализовано в эпоху «зрелого модерна» – в первые послевоенные

десятилетия, когда достигают пика возможности человечества в плане освоения природы и масштабных технических проектов, формируется широкий средний класс (по обе стороны «железного занавеса»), государства достигают невиданного ранее уровня культурной и социальной интеграции благодаря развитию систем образования, индустриальной экономики и налоговых перераспределительных систем. Начиная с 1980-х годов по всем этим параметрам намечается системный регресс: в плане социальной справедливости и солидарности обществ, их культурной однородности, перспектив индустриальной экономики, сменившейся бумом финансового сектора и накоплением глобальных диспропорций, технического прогресса, переместившегося из сферы освоения природы в виртуальную сферу.

То же самое можно сказать о парадоксальности понятия модернизации, ее соотнесения с консерватизмом в наши дни. В условиях социального «постмодерна» приверженность модернизации в ее классическом понимании (как построения солидарного, однородного, высокопроизводительного общества «модерна») становится «реакционной» позицией.

В дополнение к этим линиям аргументации, отраженным в докладе, можно дать еще несколько ракурсов, представляющих консерватизм с неожиданной и специфически современной стороны.

Консерватизм как противодействие неоархаике. Далеко не все, кто отвергает либеральную модель, являются союзниками. Одним из эффектов тех же арабских революций становится выход на сцену религиозных радикалов, то есть неоархаика. Возврат к средневековым практикам жизни ничего общего с разумным консерватизмом не имеет. Более того, именно модель глобализованного мира, которая должна получиться в результате разрушения национальных государств, как раз и дает нам образы новейшего Средневековья. С одной стороны, она наводит развитие общества анклавами «бедного Юга» (гетто иноэтнической иммиграции), разрушая плоды той работы по культурной и социальной интеграции общества, которые была проделана в эпоху «модерна», то есть создавая более фрагментированное обще-

ство. С другой – подразумевает создание значительного массива территорий, напрямую погрузившихся в неоварварство (как правило, это страны – жертвы революций нового типа).

Ни радикальные исламисты-ваххабиты, ни малые этносы, под видом национального возрождения погружающиеся в языческие практики, ни ультраконсервативные представители христианства не представляют для глобализации ни малейшей угрозы – поскольку не способны формировать на своей основе сколько-нибудь устойчивую, способную противостоять глобализационным практикам региональную экономическую и военную силу. Такие возможности имеют лишь крупные государства либо региональные союзы. Разного рода «ура-реакционеры», пытающиеся либертарианскому эпатажу противопоставить эпатаж радикально-консервативный, наносят консервативной идее откровенный ущерб – ведь после каждого их заявления аргументы оппонентов начинают выглядеть куда respectableнее.

Разумный консерватизм должен ясно и четко отмежеваться от неоархаики. Средневековый дикарь не является союзником современного консерватора лишь потому, что ему не нравятся либеральные нравы.

Между тем, консерваторам будут всячески пытаться инкриминировать архаические и радикально-утопические интенции. Именно поэтому консерватизм должен быть интеллектуальным и respectableным.

Консерватизм как форма nonконформизма и свободомыслия. Если посмотреть на движение «маятника освобождения», то, пройдя на Западе разумную фазу, когда были решены реальные вопросы расовой и половой дискриминации, законодательно закреплены все базовые права личности, этот маятник не остановился, а продолжил движение в сторону акцента на права меньшинств и воинствующей толерантности. Сегодня речь идет о постановке под вопрос любых прав большинства, будь то право на рождественскую елку или право на представление о браке как союзе мужчины и женщины.

И здесь у консервативной идеологии возникают имиджевые преимущества, которых никогда ранее не было. До нынешнего вре-

мени концепция освобождения от навязываемых государством, обществом или религией ограничений всегда была программой борьбы неких «прогрессивных» групп, уступающих при этом по силе Системе. Имидж оппозиционера, революционера, борца против некоего, явно превосходящего по всем параметрам противника традиционно вызывает симпатию. Такая фигура обычно становится героем в музыке, кино, литературе. В то время как представители некой устоявшейся и официальной власти или адепты ее ценностей изображаются лишь бездушными «слугами Системы» или в лучшем случае надеются внутренними сомнениями в правоте этой Системы. «Быть против» всегда было модно. По крайней мере в культурных координатах современной Европы.

Но сегодня именно модель либеральной демократии и сами либертарианцы-неопрогрессоры составляют доминирующую и подавляющую других Систему. Собственно потому настолько фальшиво и смешно выглядит их «освободительный» пафос (ведь лозунги об освобождении угнетенных остались все теми же, «из подполья»). Теперь именно сторонников традиционной семьи полиция в одном из ведущих государств ЕС разгоняет водометами, а за малейшие сомнения в канонах «политкорректности» любого политика или эксперта ждет обструкция. Не говоря уже о непрекращающихся предложениях со стороны либерального лагеря в любой «либерализованной» стране для наилучшей демократизации провести репрессии в форме люстраций для всех несогласных.

Собственно, ничего нового и не происходит. Как в случае с большинством революций, неолиберальная революция, набравшись сил и одержав свои победы, превратилась в диктатуру – со всеми имиджевыми издержками. Автоматически подарив противникам имидж притесняемых борцов за свободу.

Если в XIX веке определение «свободомыслящий» было синонимом либерала, то в начале XXI века это скорее синоним консерватора. Левoliberalный культурный канон обрел все признаки тоталитарного мышления, а неолиберальная глобализация – принудительную силу всепоглощающей Системы. Сегодня быть nonконформистом, «быть против Системы» (как

любили выражаться радикалы 1960-х) значит – быть консерватором.

И это на редкость выгодная позиция, не использовать которую было бы глупо. С точки зрения имиджа, она позволяет взять на вооружение многие приемы оппонентов. Собственно, уже упомянутая «Французская весна» является примером того, как борьба за традиционные ценности может происходить в стилистике протестов 1968 года и под лозунгами борьбы за права – но права традиционные.

Идеология – это стиль

Если новый консерватизм это преимущество не использует, идея, глубоко верная по сути, может проиграть конкурентам по форме. Достаточно вспомнить, что одной из причин проигрыша СССР в «холодной войне» стал именно стиль в самом широком понимании. До определенного момента «красный проект» обладал привлекательной эстетикой и энергетикой. В позднем СССР не было уже ни того, ни другого – возникла ситуация, когда отсутствие этой привлекательности в глазах своих же граждан сводило на нет все реальные преимущества, такие как доступность бесплатных социальных благ или добротность товаров.

Можно сколько угодно упрекать делающих выбор «по одежке» в недалёковидности и в неумении отличить реальные преимущества от внешнего лоска. Но эстетика среды и выражающийся через нее стиль всей общественной системы – серьезнейший параметр, формирующий мировоззрение людей. Именно потому, что это связано с непосредственным визуальным, эмоциональным восприятием. «Истинные ценности без упаковки» работают только в мобилизационные периоды: для голодающего не имеет значения, как сервирован кусок хлеба, а для бездомного – в каком архитектурном стиле крыша над головой. Но парадокс в том, что как раз когда были бездомные и голодающие, советское государство было озабочено стилем. А когда наступила относительно благополучная жизнь, конкуренты без усилий обыграли его, в том числе стилистически – в музыке, одежде, дизайне.

Сегодня, когда войны против суверенитета ведутся не столько в политической, сколько в виртуальной сфере, пожалуй, самая сложная задача – создать имидж успешного, образованного гражданина своей страны, живущего в достойных условиях, пользующегося всеми благами прогресса и являющегося носителем консервативных ценностей. Здесь бессильны ностальгия по советской символике, эстетика «России, которую мы потеряли» и бело-сине-красные шедевры номенклатурного государственничества.

Быть настоящим

Кто адресат такого консерватизма – и в России, и в мире – с социальной точки зрения? Либералы пытаются представить союзниками России государства с имиджем изгоя и подчеркивают, что успешные представители среднего класса никогда не согласятся принять такие «ценности». За этой подменой следует другая – средний класс подменяется «креативным». Теория креативного класса подразумевает, что научный, технический и информационный прогресс обязательно идет рука об руку с набором либертарианских ценностей. Согласно автору термина, Ричарду Флориде, это личная самореализация, индивидуальные свободы, предпочтение нематериальных благ финансовому успеху и открытость, то есть отказ следовать традиционным моделям жизни и карьеры, ассоциировать себя с определенным государством или нацией и стремление вместо этого свободно самоидентифицироваться и искать свое место в глобализованном мире. Согласно этой теории, уровень технических инноваций выше в тех городах, где среди населения больше процент творческой богемы и секс-меньшинств (что, впрочем, ряд американских коллег Флориды опровергает с цифрами в руках).

Ключевым здесь является акцент на то, что «они не желают подчиняться инструкциям со стороны организаций и институтов и сопротивляются традиционным групповым нормам», и на то, что «несогласие с организационными нормами можно считать новым общепринятым принципом». В работе Флориды четко очерчен весь «либертарианский

набор», о котором уже было упомянуто в контексте лозунгов «цветных революций»: защита окружающей среды; гендерное равенство; духовные интересы, отличные при этом от общепринятых религиозных представлений (New Age); отказ от материального успеха в пользу самореализации (богатство – удел коррупционеров и корпоративных «жирных котов»).

Если мы не согласны с тем, что быть способным к созданию нового – это в обязательном порядке «девиационный» сценарий, то необходимо ответить на вопрос: а каким может быть набор ценностей, присущих национально ориентированному образованному и творческому слою российского общества? Может ли консерватизм быть мировоззрением ученого, инженера, предпринимателя, художника, и как он должен для этого измениться?

Ответ на эти и подобные им вопросы требуют исследований и дискуссий. В завершение напомним об одном непреложном условии идеологической полноценности консерватизма. Для того чтобы быть убедительным, он должен быть настоящим. Он не должен исчерпываться призывами к традиционной морали. Необходимы конкретные практики сокращения «социальных эпидемий» (начиная от наркомании и криминальной обстановки в

отдельных регионах и заканчивая патологическими формами коррупции как возведенного в систему предательства).

Не просто выдвигать лозунги справедливости и солидарности, но продвигать налоговую и инвестиционную политику, нацеленную на сокращение социальных диспропорций, достигших в нашем обществе критических масштабов, добиваться репатриации капиталов и «деолигархизации» бизнеса.

Не просто провозглашать «сбережение народа», а на деле практиковать его, предотвращая коренную ломку этнического и культурного облика страны в ходе осуществляемой замены коренного населения на иммигрантов с «бедного Юга».

Таких нереализованных и при этом вполне консервативных по сути запросов за минувшие годы и десятилетия накоплено более чем достаточно. Некоторые из них имеют сугубо российское, некоторые – глобальное измерение. И каждый из них – напоминание о том, что консерватизм сегодня важен не как форма политической риторики или пропаганды, а как предельно серьезный и ответственный поиск ответов на вызовы системного кризиса, который переживают Россия, Европа и вся цивилизация эпохи «модерна».

